

НОВАЯ ПОЛЬША 11/2005

Содержание

1. ЛЕХ КАЧИНСКИЙ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ПРОТИВ МИФОВ
4. «СОЛИДАРНОСТЬ» И СОВЕТСКИЕ ДИССИДЕНТЫ
5. ОТСТРАНЕННОСТЬ И СОЧУВСТВИЕ
6. ПО ДОРОГЕ В БАБАДАГ
7. НА КРАЙ СВЕТА С АНДЖЕЕМ СТАСЮКОМ
8. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
9. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

ЛЕХ КАЧИНСКИЙ

23 декабря президентом Республики Польша станет Лех Качинский. Во втором туре президентских выборов за него проголосовали 54,04% избирателей (Дональд Туск получил 45,96% голосов) при явке, составившей 50,99%.

«Это человек, верный своим принципам, компетентный и честный», — говорит о нем один из создателей «Солидарности», лидер Демократической партии Владислав Фрасынюк («Жечпосполита», 24 окт.).

Лех Качинский родился в 1949 году. В годы II Мировой войны его мать служила в «Серых шеренгах» (так назывался подпольный Союз польских харцеров — скаутов), а отец был бойцом Армии Крайовой. Лех окончил юридический факультет Варшавского университета. Степени кандидата и доктора наук, а затем профессора получил в Гданьском университете. С 1977 г. сотрудничал с Комитетом защиты рабочих (КОР), а с 1978 го — с гданьским Учредительным комитетом свободных профсоюзов (УКСПС). В августе 80 го был советником Межзаводского забастовочного комитета (МЗК) в Гданьске. В 1981 г. — делегатом I Всепольского съезда делегатов Независимого самоуправляющегося профсоюза «Солидарность». После введения военного положения 13 декабря 1981 г. был интернирован. После освобождения в 1982 г. сотрудничал с Лехом Валенсой и подпольной Временной координационной комиссией НСПС «Солидарность», в которой исполнял обязанности секретаря. В 1988 г. стал членом Гражданского комитета при Лехе Валенсе, а в 1989 м — членом президиума Всепольского исполнительного комитета НСПС «Солидарность». Участвовал в заседаниях «круглого стола». В 1989 г. избран сенатором, а два года спустя, на следующих выборах — депутатом Сейма. В 1990 г. вместе со своим братом-близнецом Ярославом основал партию «Соглашение Центр», которая должна была добиться полностью свободных выборов и избрания президентом Леха Валенсы. В 1991 г., уже в ранге министра, руководил Управлением национальной безопасности в Канцелярии президента Леха Валенсы. С 1992 по 1995 г. был председателем Высшей контрольной палаты. В 2000 г. — министр юстиции в правительстве Ежи Бузека. В 2001 г. возглавил партию «Право и справедливость» и был вновь избран депутатом Сейма. В 2002 г. стал президентом (мэром)

Варшавы и будет занимать этот пост вплоть до принесения присяги главы государства.

Жена Леха Мария — экономист. У Качинских есть дочь Марта и внучка Эва, а также взятый из приюта кот по имени Рудольф и терьер Титус.

«У Леха Качинского есть множество личных достоинств, нельзя не отметить его государственное чувство, авторитет и опыт (...) Он создал себе образ политика-законодателя и стража государственной безопасности (...) Качинский предпочитает модель президентства сурового, для взрослых», — оценивает Мариуш Яницкий («Политика», 8 окт.). В свою очередь, по мнению Романа Грачика, «основная черта Леха Качинского — это стойкость под ударами судьбы и железная последовательность. Стойкость, ибо он не пал духом, несмотря на многочисленные неудачи. Последовательность, ибо [его] программа не претерпела существенных изменений на протяжении последних 10–15 лет. Конечно, изменился внутренний и международный контекст — отсюда различия в предлагаемых методах возрождения государства, — однако основные идеи остались прежними. Лех Качинский (а точнее, Лех и Ярослав Качинские, так как братья политически идентичны) — это типичный представитель польских правых: традиционалистов, этатистов и поборников социальных льгот» («Тыгодник повшехный», 9 окт.).

«Он помогает бедным, — говорит его друг Станислав Костшевский. — Деньги он отдает жене, поэтому у него часто нет при себе наличных. Много раз случалось, что он просил денег в долг, после чего отдавал их людям, которые обращались к нему за помощью (...) Лех — не привередливый гурман. Он любит томатный суп и курицу и обожает сладости (...) Уже много лет он коллекционирует фигурки уток, которые получает по разным случаям (фамилия Качинский происходит от слова «качка», т.е. утка. — Пер.)», — сообщают Кароль Маныс и Павел Сенницкий («Ньюсуик-Польша», 16 окт.).

Сам Лех Качинский говорит: «Польша должна спросить с виновных, но еще больше она нуждается в согласии» («Жечпосполита», 24 окт.). Будущий президент стремится также улучшить отношения с Россией. По его мнению, «лучший способ — это визит президента Путина в Варшаву» («Газета выборча», 25 окт.). О себе же он говорит так: «Если бы речь зашла о том, что Польша должна быть католическим государством, я, разумеется, сказал бы: нет. Это был бы прямой путь к дехристианизации, а этого я не хочу: не только потому, что я сам верующий, но и потому, что у нас нет другого

приемлемого для всех нравственного выбора (...) Я никогда не соглашусь на католическое государство (...) Я научился сосуществовать, сидеть за одним столом и относиться с симпатией к людям, чьи взгляды существенно отличаются от моих» («Политика», 15 окт.).

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Судя по результатам выборов, произошло смещение идейных симпатий поляков в сторону традиционных консервативных ценностей, где в расчет принимаются безопасность (в т.ч. социальная), порядок, суровое законодательство и меньшая, чем прежде, терпимость к нравственной экстравагантности (...) Господствующая в Польше уже много месяцев атмосфера сведения счетов, допросов и люстрации, а также нарастающая волна нравственной и революционной риторики, можно сказать, обрекли нынешних победителей на успех (...) Выборы показали, чт? у нас стало главным — отмежеваться от прошлого, отнестись к нему, как к обману, заговору, в результате которого деньги, причитающиеся обедневшему обществу, были разворованы, и теперь их надо вернуть (...) Это такая новая левизна (...) Только вот все эти предвыборные решения и расчеты граждан все слабее подкрепляются их участием в выборах. Явка опять упала на несколько процентов и колеблется на уровне 40% (...) Вдобавок польские избиратели отличаются непостоянством. Еще в 2001 г. почти треть избирателей резко сменила свои политические пристрастия и, покинув правых, поддержала Союз демократических левых сил (СДЛС). Вероятно, теперь эта треть снова переметнулась на другую сторону (...) В Польше показатель текучести [электората] достиг 35% и (...) приближается к 40, в то время как в Европе это не более полутора десятков процентов, а нормой считается однозначное число. Если же учесть, что после полутора десятков лет существования Третьей Речи Посполитой в Сейм вошли лишь остатки двух партий ее первых лет — СДЛС и аграрная ПСЛ, — а все остальные появились относительно недавно, впечатление (...) структурной дезорганизации польской политической сцены усиливается (...) Если 60% поляков остались дома, то победы, равно как и поражения, выглядят менее убедительно (...) Большинство было избрано меньшинством, и оно должно об этом помнить». (Мариуш Яницкий и Веслав Владыка, «Политика», 1 окт.)

• «Иначе говоря, у нас в стране 60% людей довольны». (Анджей Краузе, «Жечпосполита», 27 сент.)

• Проф. Эдмунд Внук-Липинский: «Согласно широко распространенному мнению, демократия — это такая система, которая, помимо всего прочего, дает гражданину право избегать общественных дел. Он может, но не обязан в них участвовать. А если не обязан, считают некоторые, то зачем я буду себя утруждать? И, как видно, большинство выбирает такое решение, не вполне отдавая себе отчет в последствиях своей неявки (...) Образование нашего общества весьма среднее, поэтому средним остается и уровень участия в демократии (...) Подавляющее большинство тех, кто пошел голосовать, связывало с этими выборами надежды на восстановление того, чего нельзя восстановить административным путем: основ честности, доверия — всех тех ценностей, значение которых понимаешь лишь тогда, когда их нет». («Жечпосполита», 1-2 окт.)

• Збигнев Бжезинский: «Результат парламентских выборов — это хороший шанс на стабильное, демократичное и принципиальное правое крыло, а также конец левых некоммунистических партий. Следующим вызовом, перед которым стоит теперь Польша, будет создание столь же принципиального, стабильного и по-настоящему демократичного левого крыла». («Жечпосполита», 26 сент.)

• Бернар Гетта, в 1979–1983 гг. варшавский корреспондент газеты «Монд»: «В Польше не хватает левых. Настоящих левых — некоммунистических, социальных, пришедших из антикоммунистической оппозиции и новых поколений. Не хватает европейских левых, способных сделать Польшу государством, уважаемым в Евросоюзе, и сказать полякам, что их будущее — не в национализме, не в снижении налогов, не в этатизме, не в налоговом дампинге, но в политическом единстве в рамках ЕС, в приятии идеи федеративной Европы, чья солидарность позволит вывести новых членов Евросоюза на уровень старых — с обоюдной выгодой». («Жечпосполита», 14 сент.)

• Впервые в нашем Сейме появился депутат родом из Бангладеш. Хуберт Ранджан Коста, представляющий «Самооборону», живет в Польше уже 30 лет. Он хирург, ординатор 2-го отделения хирургии Воеводской специализированной больницы в Легнице. В 2003 г. вошел в администрацию Нижнесилезского воеводства, а в этом году избран в Сейм. Его жена тоже врач, онколог. У них трое сыновей. («Политика», 8 окт.)

• Вальдемар Кучинский: ««Право и справедливость» (ПиС) и «Гражданскую платформу» (ГП) объединяют общие корни,

стремление к власти и остатки антикоммунистической общности. Разделяют их электораты. ПиС поднял брошенное СДЛС знамя государственного интервенционизма, в то время как электорат ГП ожидает ограничения полномочий государства и снижения налогов (...) Главные действующие лица — Ян Рокита (ГП) и Ярослав Качинский (ПиС) — терпеть не могут мест во втором ряду, а если уж там окажутся, то сделают все, чтобы попасть в первый». («Политика», 24 сент.)

- Сын Леха Валенсы Ярослав стал депутатом Сейма от «Гражданской платформы». Он получил 14 тыс. голосов. Это лучший результат ГП в Гданьске после Дональда Туска (79237 голосов). («Газета wyborcza», 30 сент.)

- Из редакционного комментария «Известий»: «Правые и либералы победили на выборах (...) Они победили потому, что в Польше — типичная европейская демократия. Со всеми ее плюсами и минусами. Это означает, что, куда бы ни качнулся политический маятник — вправо или влево, — стабильность сохранится». («Жечпосполита», 30 сент.)

- Заместитель председателя комитета Государственной Думы по международным делам Наталия Нарочницкая: «Приход к власти правых может способствовать улучшению польско-российских отношений. Левые либералы всегда были более антироссийскими, чем правые христиане. Я уважаю поляков за то, что они хотели включить в европейскую конституцию христианские ценности. Ни нас, ни вас Западная Европа не считает своими». («Жечпосполита», 26 сент.)

- Из статьи Олега Комоцкого в «Новых известиях»: «Для России «правый поворот» западного соседа означает одно: отношения между нашей страной и Польшей еще больше осложнятся (...) Единственная партия — «Самооборона», которая относится к России если и не с любовью, то весьма терпимо, — может рассчитывать лишь на место в оппозиции». («Газета wyborcza», 27 сент.)

- «Прибывшие в Польшу по приглашению [председателя «Самообороны»] Анджея Леппера члены Союза коммунистической молодежи Китая (...) заявили, что программа председателя Леппера близка к их программе». («Тыгодник повсехный», 18 сент.)

- «Лех Качинский признал, что, по сравнению с нынешним положением, больше всего изменится политика в отношении Германии и России (...) Он добавил, что заинтересован в добрососедских отношениях с Россией, однако действия этой

страны не сулят нашим взаимоотношениям ничего хорошего. «Политика, которую вел в отношении России президент Квасневский, не принесла результатов. Мы должны сделать из этого выводы, — убеждал Качинский. — Шансы на сотрудничество есть, но Россия должна понять, что здесь не сфера ее влияния» (...) Стратегическими партнерами Польши Качинский назвал США и НАТО. «Мы считаем, что Евросоюз и США не должны вести противоречащую друг другу политику», — сказал он (...) Кандидат в президенты высказался за интеграцию в НАТО Украины — еще одного нашего стратегического партнера, (...) а Израиль назвал государством, хорошие отношения с которым имеют для Польши особое значение». («Жечпосполита», 14 сент.)

• Президент Александр Квасневский: «Мы стали свидетелями конца политической активности элит «круглого стола», элит больших перемен 1989 года. [Братья] Качинские — действительно последняя смена в этой эстафете. Все остальные уже были, уже исчерпали свой потенциал (...) Однако братья Качинские отличаются необычайной подозрительностью (...) Невозможно вести команду (а правительство — это команда), где во главе угла стоит подозрительность (...) В экономике при нынешнем уровне приватизации, действия рыночных механизмов и связей с Евросоюзом, понадобилось бы очень много неверных решений, чтобы что-то испортить. За нее можно не опасаться. Во внешней политике, особенно в начальный период работы нового правительства, можно испортить гораздо больше. Мой совет новому правительству и президенту звучал бы так: во внешней политике (...) на первых порах говорить поменьше (...) Хуже обстоит дело с государством. Тут я ожидаю большего количества экспериментов, которые могут оказаться опасными (...) Тут, при наличии политической воли, можно сделать много и быстро, а последствия будут далеко идущими и отнюдь не благими (...) Я (...) уверен, что будет предпринята попытка реванша — это вполне соответствует нашим политическим традициям последних лет. [Премьер-министр] Лешек Миллер писал «Белую книгу» о правительстве [своего предшественника] Ежи Бузека, и ничего путного из этого не вышло. Возможно, нынешняя коалиция будет более эффективна — ведь она обещает спецкомиссии, суды, трибуналы. Но на сколько хватит этих игр? На полгода? На год?» («Политика», 1 окт.)

• Согласно опросу ЦИОМа, 65% поляков считают, что Александр Квасневский хорошо выполнял обязанности президента.

Противоположного мнения придерживаются 27% опрошенных. («Жечпосполита», 12 окт.)

• Проф. Виктор Осятынский: «Различия между «Гражданской платформой» и «Правом и справедливостью» очень существенны. ГП видит Польшу слегка правой в смысле самосознания, не слишком ответственной в европейских делах, (...) не слишком благосклонной к культурным и сексуальным меньшинствам. То, как видит ее ПиС, основано почти исключительно на исторических комплексах и претензиях, на параноическом вынюхивании заговоров и подпольных организаций, на создании спецкомиссий, на стремлении отнимать и сурово наказывать (...) Туск вызывает у меня наиболее теплые чувства. А может, я просто меньше его боюсь. Туск хорошо подходит к польскому типу президента, у которого не слишком много полномочий. [Такой президент] не может вести самостоятельную экономическую, социальную и внешнюю политику, [но] он может и должен выполнять функции лидера. У него должен быть общий план преобразований, который он будет воплощать в жизнь — хотя бы с помощью законодательной инициативы (...) Для меня важнее, кто будет альтернативой коалиции ГП — ПиС через четыре года (...) Кто знает, не это ли главный вопрос польской политики (...) Начиная с 1989 г. польская политическая динамика все время вымывает центр». («Газета wyborcza», 17-18 сент.)

• По данным Государственной избирательной комиссии, по итогам первого тура президентских выборов во второй тур прошли Дональд Туск (36,3% голосов) и Лех Качинский (33,1%). Анджей Леппер набрал 15,1% голосов, Марек Боровский — 10,3, Ярослав Калиновский — 1,8, Генрика Бохняж — 1,3%. За пятерых оставшихся кандидатов проголосовали в общей сложности 0,6% избирателей. Явка составила 49,74%. («Жечпосполита», 11 окт.)

• «В варшавской квартире Леха Качинского живут терьер Титус и кот Рудольф. Злые языки говорят, что собаку Качинский завел из зависти к Туску. Другие утверждают, что все наоборот, потому что это в доме Туска недавно появилась кошка Пемпуся. Наверняка можно сказать лишь то, что вместе с новым главой государства будут жить два питомца. Вместо двух собак Александра Квасневского в президентском дворце поселятся собака и кошка». (Кароль Маныс и Павел Сенницкий, «Ньюсуик-Польша», 16 окт.)

• «Председатель «Права и справедливости» Ярослав Качинский не будет кандидатом на должность премьер-министра. Вчера

он выдвинул на этот пост Казимежа Марцинкевича (...)
Казимеж Марцинкевич — уроженец Гожува, учитель [физики].
В правительстве Ханны Сухоцкой он был заместителем
министра образования. В то время он был членом
Христианско-национального объединения. В «Праве и
справедливости» он — лидер крыла, называемого
либеральным, (...) главный специалист в области экономики (...)
Марцинкевич имеет репутацию превосходного чиновника,
человека умеренных взглядов». (Павел Вронский, «Газета
выборча», 28 сент.)

• «Основы [экономической] политики Казимежа
Марцинкевича: 1. Принцип «развитие благодаря занятости»,
означающий низкие налоги и более низкую стоимость рабочей
силы. 2. Благоприятное экономическое законодательство, т.е.
упрощение процедур, уменьшение числа необходимых
разрешений, регистрация фирм в течение трех дней. 3. Рост
инвестиций. 4. Монетарная и финансовая политика, «не
только противодействующая инфляции, но и способствующая
развитию». 5. Прозрачная структура государственной казны».
(«Жечпосполита», 3 окт.)

• Казимеж Марцинкевич о себе: «Идейно я принадлежу к
католической формации. В экономике я тоже не либерал, а
консерватор. Я считаю, что рынок, частная собственность и
конкуренция — это принципы, которые нельзя нарушать (...)
Политика — это радение об общем благе. Человеческая свобода
кончается там, где начинается нарушение свободы и прав
других (...) Естественная [ячейка общества] — это семья, и
государство должно стоять на ее страже (...) Необходимо ввести
правила, защищающие свободу граждан от деморализации (...)
Сначала я передам в Сейм законопроект о дополнительном
питании для детей, а затем законопроект о создании
антикоррупционного управления». («Ньюсуик-Польша», 9
окт.)

• «Поляки считают, что политики должны быть чисты, как
слеза. Однако им не мешает, если сосед не платит квартплату
или обманывает налоговую инспекцию. Таковы выводы
«Социального диагноза-2005». Социологи спросили у поляков,
как они относятся к нечестным действиям (...) Оказывается,
больше всего нас раздражает незаконное получение пособий по
безработице: такое поведение небезразлично 55% поляков. Для
38% опрошенных это не имеет значения (...) Зато нас вообще не
беспокоит, когда кто-нибудь ввозит товары из-за границы и не
платит пошлину. Подобные действия не смущают больше
половины поляков (...) 48% поляков осуждают людей, не

платящих за электроэнергию, но 45% это не интересует. Похоже выглядит и ситуация с квартплатой: 41% безразлично, что кто-то ее не платит, однако большую часть опрошенных такое поведение возмущает (...) Почти две трети опрошенных моложе 24 лет признались, что их не интересует, ездит ли кто-нибудь зайцем в поезде или автобусе». («Жечпосполита», 5 окт.)

• «По данным «Социального диагноза-2005», свыше двух третей поляков (69%) довольны своей жизнью, в то время как в начале 90-х таких людей было лишь немногим больше половины (57%) (...) За последние годы чистый доход на душу населения увеличился на 100 злотых для работающих и почти на 400 злотых для числящихся безработными. В это трудно поверить. Часть из них наверняка зарабатывает в теневом секторе и дополнительно получает различные государственные пособия (...) В 2000 г. в бедности жило 31% поляков, но половина из них уже не бедствует. В то же самое время 7% населения скатилось за черту бедности (...) Три четверти поляков довольны здравоохранением по месту жительства (...) Около 32-38% общества практически отрезаны от контакта с культурой — от книг, печати, театра. Им остается лишь телевизор». («Жечпосполита», 6 окт.) Подробнее о «Социальном диагнозе-2005» см. интервью с проф. Янушем Чапинским на стр. ??.

• Как пишет «Файнэншл таймс» от 13 сентября, Польша возвращает себе репутацию самой привлекательной для иностранных инвесторов центральноевропейской страны — несмотря на то, что последние несколько лет она отставала от таких своих конкурентов, как Словакия. Это происходит благодаря новому налогу для фирм (19%) и экономическому росту. («Жечпосполита», 14 сент.)

• Согласно «Всемирному инвестиционному отчету 2005», подготовленному Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Польша заняла восьмое место по инвестиционной привлекательности. В десяти новых странах ЕС объем иностранных инвестиций вырос на 70%. Это самый высокий показатель в мире. («Жечпосполита», 30 сент.)

• «Польша заняла 54-е место среди 155 стран, в которых Всемирный банк оценивает условия ведения бизнеса. Это на 9 мест ниже, чем в прошлом году. Выпали мы и из числа первых 12-и стран, быстрее всего реформирующих свою экономику, среди которых в прошлом году занимали 9-е место». В списке стран, благоприятствующих предпринимательству, 15-е место

заняла Литва, 37-е — Словакия, 41-е — Чехия, 52-е — Венгрия. («Жечпосполита», 15 сент.)

• «По данным Института туризма, только в первом полугодии нашу страну посетило 6,7 млн. иностранных туристов, т.е. на 7% больше, чем в тот же период прошлого года. В этом году в Польшу могут приехать даже 15 млн. иностранцев. В последний раз столько заграничных гостей посетило нашу страну в 2001 году». («Жечпосполита», 19 сент.)

• «По данным Евростата, во всем Евросоюзе безработица исчисляется двузначными цифрами только в Польше (17,5%) и Словакии (15,2%)». («Жечпосполита», 7 окт.)

• ««В Польше не хватает рабочих рук!» — бьют тревогу строительные фирмы. И предупреждают, что после выборов они будут ходатайствовать о том, чтобы в Польшу пустили фирмы из-за восточной границы. Украинцы, россияне и белорусы должны будут прийти на смену работникам, массово уезжающим на Запад. Только вот сколько же тогда будет зарабатывать в Польше польский строитель?» («Газета wyborcza», 20 сент.)

• «Согласно последнему опросу Евробарометра, 60% поляков положительно оценивают выгоды, вытекающие из членства в ЕС. Мы любим Евросоюз за свободу передвижения и шансы работать или учиться за границей». («Газета wyborcza», 15 сент.)

• Европейский суд по правам человека присудил компенсацию четверым полякам, которые уже шесть лет ожидают в следственном изоляторе приговора по обвинению в разбойных нападениях. Суд констатировал нарушение Конвенции по правам человека, в которой говорится о праве на безотлагательное судебное разбирательство, и присудил истцам компенсацию в размере 6500 евро». («Жечпосполита», 5 окт.)

• «В среду Европейский парламент постановил, что 31 августа будет ежегодно отмечаться во всем ЕС как День свободы и солидарности. Кроме того, Европарламент отметил заслуги польских профсоюзных деятелей специальной резолюцией, принятой депутатами почти единогласно». («Газета wyborcza», 29 сент.)

• 3 октября в Варшаве начинает свою работу Европейское агентство пограничной охраны. По оценке его главы Илкки Лайтинена, «восточная граница Польши для Европы уже не проблема. Больше всего людей ввозят через Средиземное море (...) Второй излюбленный путь переброски идет через западные

Балканы, Грецию и Италию. И, наконец, Восточная Европа, но не Польша. Контрабандисты переместились в Словакию». («Жечпосполита», 3 окт.)

• «В этом году инвестиции НАТО в Польше впервые превысят наш взнос на развитие общей оборонной инфраструктуры (...) Польша получит от НАТО 42 млн. евро, в то время как наш взнос составит не более 20 миллионов. До конца 2010 г. общая сумма расходов НАТО на инвестиции в Польше составит 469 млн. евро». («Жечпосполита», 17–18 сент.)

• Томаш Наленч: «17 сентября 2005 года, в 66-ю годовщину нападения СССР на Польшу, в Сейме открылась мемориальная доска, посвященная депутатам Второй Речи Посполитой, павшим в годы II Мировой войны (...) На доске выбиты имена 300 депутатов, павших от рук немецких и советских агрессоров в 1939–1945 годах. Это означает, что свою жизнь отдал за родину почти каждый пятый из 1700 депутатов Второй Речи Посполитой (...) Они гибли на фронтах II Мировой войны. Их убивали вместе с другими военнопленными в Катыни и Харькове. Они были среди жертв Освенцима, Штуттгофа, Бухенвальда и Треблинки». («Впрост», 25 сент.)

• «В конце июля делегация прокуроров Института национальной памяти (ИНП) осматривала обнаруженные в немецком МИДе катынские документы (...) «В сейфе лежала большая карта довоенной Польши. Когда ее развернули, я увидел, что это та самая знаменитая карта, на которой 28 сентября 1939 года Сталин с Риббентропом делили в Москве Польшу», — рассказывает проф. Витольд Кулеша (...) Два захватчика занимались в Кремле разделом Польши с позднего вечера 27-го до 5 утра 29 сентября. Немецкие войска уже заняли Варшаву, а советская армия, перешедшая нашу границу 17 сентября, продвигалась на запад». («Газета выборча», 17–18 сент.)

• Директор Центра «Карта» Збигнев Глуза: «Мы открываем выставку «Европа XX века: обличья тоталитаризма», рассказывающую, чт? принесли человечеству обе европейские системы: коммунизм и нацизм (...) Польша (...) была единственной страной, перекрывшей большевистской России путь на Запад; на ее территории и в ущерб ее интересам оба тоталитаризма заключили военный союз; с нападения на нее началась II Мировая война и на ее территории произошло столкновение двух систем; ее жители испытали на себе обе оккупации и на ее земле гитлеровцы совершили чудовищное массовое убийство; она же стала самым большим послевоенным трофеем торжествующего коммунизма, чтобы в

конце концов способствовать его падению (...) Это международная выставка, созданная поляками, россиянами, немцами и украинцами. Экспозиция представлена на четырех языках: польском, немецком, английском и русском (...) В будущем году в Германии начнет свое заграничное турне ее передвижная версия (...) Универсальность ее концепции подтвердила Европейская комиссия, поддержав ее создание (...) Выставка разместилась на ул. Каровой 20 (...) С января 2006 г. там должен начать свою деятельность организованный Центром «Карта» Дом встреч с историей», — («Жечпосполита», 17-18 сент.)

- Фрагмент беседы Михала Ольшевского с Анной Биконт, автором книги-репортажа «Мы из Едвабне»: «Есть такая знаменитая фраза [Зигмунта] Красинского: «Мы все из него». Это об Адаме Мицкевиче. Специально ли ты проводишь в заглавии параллель со словами романтика?» — «Да, эта книга показывает зародыш польскости, исковерканный, но все же [зародыш]... Она показывает, во что могут превратиться патриотические ценности, традиция, вера». — «А как восприняло книгу само Едвабне?» — «Как я и ожидала — как ложь». («Газета выборча», 16 сент.)

- «Умер Шимон Визенталь (...) Он родился в Бучаче, неподалеку от Львова. В Польше он учился, женился и работал архитектором. Когда половину страны захватили большевики, (...) НКВД уничтожил нескольких его родственников, а сам он, благодаря взятке, чудом избежал вывоза в Сибирь. Когда Львов заняли немцы, Визенталья арестовали. До мая 1945 г. (...) он прошел геенну двенадцати концлагерей. Немецкие палачи убили 86 членов его семьи». («Жечпосполита», 21 сент.)

- «В пятницу Шимон Визенталь был похоронен в местности Герцлия на севере Израиля. На похороны прибыло несколько сот человек, в т.ч. делегация из Польши. На протяжении более чем 50 лет 96-летний Визенталь преследовал нацистских преступников. Благодаря ему органам правосудия было передано свыше 1100 человек». («Жечпосполита», 24-25 сент.)

- «В субботу польские украинцы почтили память узников бывшего Центрального трудового лагеря в Явожно. После II Мировой войны в него попали, в частности, украинцы, обвиненные в сотрудничестве с украинским подпольем». («Жечпосполита», 19 сент.)

- «Вчера семья репатриантов из Беслана получила от города [Варшавы] трехкомнатную квартиру (...) В этом году город

планирует принять десять семей репатриантов. В будущем месяце приезжают казахи». («Жечпосполита», 16 сент.)

• «Во время 60-й сессии ООН президент Александр Квасневский провел заседание «круглого стола». Затем в Ассоциации внешней политики он прочел лекцию о роли Польши в международных отношениях. «Мы хотим самых хороших отношений с Россией», — заявил президент. В то же время он предостерег американцев: «Я бы советовал наблюдать за российской политикой, особенно за позицией России по отношению к таким странам, как Польша. Крупным государствам со статусом сверхдержав Россия старается показать другое, гораздо более партнерское лицо. Однако отношение к странам средней величины, таким как Польша, тоже говорит о многом. Оно свидетельствует о намерениях по отношению ко всему Европейскому союзу и западному миру» (...) Квасневский призвал США поддержать Украину. Затронул он и тему Белоруссии. «Там нарушаются права человека, — подчеркнул президент. — Ситуация в Белоруссии стала международной проблемой. Только сильное давление международной общественности может дать положительные результаты. Однако важнее всего внутренние демократические перемены и создание гражданского общества. Важно также направлять возможные санкции против авторитарных властей, а не [против] белорусского общества»». («Газета wyborcza», 16 сент.)

• «Россия неожиданно вновь предложила Польше подписать международный договор о поставках и транспортировке нефти. Москва уже несколько лет выступала с этой инициативой, а Польша ее отвергала. Почему же россияне снова к этому возвращаются? (...) «Это выглядит так, словно россияне дают нам понять, что они что-то готовят, но пока непонятно, что именно», — сказал пожелавший остаться неизвестным представитель топливной отрасли». (Анджей Кублик, «Газета wyborcza», 20 сент.)

• Премьер-министр Казимеж Марцинкевич: «Северный [балтийский] газопровод — это попытка провести российско-германскую границу к северу от Польши и оставить польский рынок газа в сфере российского влияния. Диверсификация источников газа будет ликвидирована, а диверсификация направлений поставок и стран-поставщиков станет лишь видимостью. В польских трубах будет либо российский, либо среднеазиатский газ (который, однако, будет «заменен» российским в процессе транзита), либо же это будет газ

немецкий, т.е. тоже российский, но «вернувшийся» к нам из Германии». («Впрост», 25 сент.)

- ««Газпром» готов провести в Польшу ответвление от планируемого гигантского российско-немецкого газопровода по дну Балтийского моря. Однако пока это всего лишь обещания». («Жечпосполита», 4 окт.)

- Глеб Павловский, советник президента Путина: «Россия не занимается окружением Польши! Может, это плохо, но в Москве действительно мало думают о Польше. Отношения с Германией — это отношения с Германией, до сих пор их укрепляла дружба между Путиным и Шредером, но мы сумеем договориться с любыми властями Германии». («Впрост», 5 окт.)

- «Растет объем польского экспорта в Россию. Министерство экономики ожидает, что в этом году экспорт в Россию составит 4 млрд. долларов по сравнению с 2,8 млрд. в 2004 году». («Жечпосполита», 11 окт.)

- «Перемены на Украине принесли в Хрубешув газ. В субботу там открылся 15-километровый участок газопровода из украинского Устилуга (...) Однако у президента [концерна «Польская нефте- и газодобывающая промышленность» Марека] Коссовского гораздо более честолобивые планы. «Мы надеемся, что это событие положит начало постоянному сотрудничеству, а в ближайшие годы газовые системы Польши и Украины объединятся», — сказал он. «Мы построим еще не один газопровод», — добавил глава «Нафтогаза Украины» Алексей Ивченко (...) Кроме того, вскоре должно быть создано польско-украинское предприятие по торговле газом в обеих странах». (Томаш Неспал, «Газета wyborcza», 12 сент.)

- «Анджей Писальник, сотрудник нашей газеты, а также бывший главный редактор «Глоса знад Немна» и неформальный пресс-секретарь не признаваемого Минском Союза поляков Белоруссии (СПБ) стал лауреатом премии им. Дмитрия Завадского (...) Премия присуждается Первым каналом российского телевидения журналистам, работающим в Белоруссии. Завадский, который в начале 2000 г. пропал без вести, был оператором Первого канала». («Жечпосполита», 16 сент.)

- «Начала действовать рабочая группа по вопросам Белоруссии, в которую входят представители премьер-министров Литвы, Латвии, Украины и Польши. Главной задачей группы, созданной по инициативе [бывшего] премьер-министра

Марека Бельки, будет обмен информацией и координация действий государств-соседей Белоруссии». («Газета выборча», 17-18 сент.)

- «В Киеве прошла встреча секретарей советов национальной безопасности Польши, Белоруссии и Украины (...) Как сообщило Национальное радио Украины, Киев хочет сыграть роль посредника в диалоге между Польшей и Белоруссией (...) Между тем в Страсбурге (...) евродепутаты призвали Европейскую комиссию и Совет ЕС «поддержать демократически избранное правление Союза поляков Белоруссии, а также избранные на демократических выборах органы других неправительственных организаций, подвергающихся репрессиям со стороны режима Лукашенко». («Жечпосполита», 30 сент.)

- «Единый кандидат белорусской оппозиции на президентских выборах 2006 г. Александр Милинкевич — почетный член СПБ. Его дед и прадед участвовали в январском восстании [1863 г.]. В межвоенное двадцатилетие его отец был посажен в польскую тюрьму за борьбу за белорусские школы». («Жечпосполита», 3 окт.)

- Посол Польши в Белоруссии Тадеуш Павляк вернулся в Минск. По мнению пресс-секретаря польского МИДа Александра Хеcki, ситуация в Белоруссии слегка улучшилась, т.к. недавно оппозиция беспрепятственно организовала там свой конгресс. («Газета выборча», 13 окт.)

- «Журналист «Газеты выборчей» Адам Вайрак получил почетное звание «героя Европы», ежегодно присуждаемое американским журналом «Тайм» (...) за охрану окружающей среды. Особенно высоко оценены его статьи, посвященные нелегальной вырубке старых деревьев в Беловежской пуще, а также его усилия по сохранению в первобытном состоянии наших рек (...) Кроме того, своими текстами он поддержал экологов, протестующих против проекта строительства автомагистрали «Виа Балтика» из Варшавы в Хельсинки через уникальные в мировом масштабе Бебжанские болота, а также через две вековые пущи — Кнышинскую и Августовскую (...) «Дикая природа — это одно из наших сокровищ. Немногие европейские страны могут похвастаться таким разнообразием растений и животных. Глупость и отсутствие воображения могут привести к гибели этого прекрасного мира (...) А исправить нанесенный ущерб невозможно», — говорит Вайрак». («Газета выборча», 4 окт.)

• Станислав Лем: «Если бы на протяжении нескольких последних лет выброс парниковых газов неуклонно сокращался, температура воды в Атлантическом океане, вероятно, была бы на 1-2 градуса ниже. На первый взгляд это немного, но разница в два градуса могла быть решающей для силы Катрины, что было довольно важно для пострадавших от ее удара (...) Что будет дальше? Быть может, компромисс между противоборствующими политическими силами в Германии будет не совсем прогнившим (...) Быть может, Ющенко на Украине как-нибудь придет в себя. Однако очень много вопросов остается открытыми — например, вступление в Евросоюз Турции. На этом фоне наши польские проблемы остаются где-то в стороне». («Тыгодник повсехный», 9 окт.)

• «Уже несколько лет в Польше постоянно уменьшается число случаев мучительства животных. «В прошлом году мы отметили 8 тыс. таких случаев, в то время как в 2001 г. их было свыше 12 тысяч (...) Зато проблемой остается растущее число бездомных животных. В настоящее время во всей Польше имеется 100 приютов. Только в 18-и из них, принадлежащих Обществу опеки животных (ООЖ), живут 14 тыс. собак и кошек. К сожалению, программа поиска новых хозяев не решает проблему», — говорит генеральный секретарь ООЖ Войцех Мужа». («Жечпосполита», 5 сент.)

• «Раненые и тяжелобольные животные могут выжить. По Варшаве уже ездит профессионально оборудованная машина скорой помощи для собак и кошек. Януш Ожеховский потерял двух собак. Одна была жестоко истязана, вторая умерла от заворота кишок. И ту и другую можно было спасти, если бы вовремя приехала профессионально оборудованная машина. К сожалению, ничего подобного в Варшаве не было (...) Хотя Ожеховский не ветеринар, он основал круглосуточную частную лечебницу «Собачья жизнь», которая располагает собственной машиной, оснащенной операционным столом, двумя наборами хирургических инструментов, кислородом, обезболивающими средствами, реанимационными приборами и необходимыми лекарствами». (Рената Цегловская, «Газета wyborcza», 8-9 окт.)

• «Свыше 600 кошек и 30 собак имеет на попечении жительница Варшавы пани Барбара Контрактрович (...) Ежедневно она тратит 8-12 часов на то, чтобы навестить своих подопечных, (...) которые разбросаны по 11 районам Варшавы (...) и живут на 150 улицах (...) Она помогает им уже 45 лет. На это она тратит свою пенсию. Деньги, вырученные от продажи дедовского дома и сада, она тоже израсходовала на животных

(...) Последние три месяца она пользуется дополнительной помощью, организованной Магистратом столичного города Варшавы. В рамках акции по подкормке свободно живущих кошек в каждом районе раздается бесплатный корм. На это город предназначил 170 тыс. злотых». («Мешканец», 21 сент.)

• «Уже 4 тыс. четвероногих друзей человека покоятся на кладбище для животных в подваршавском Конике-Новом. В октябре их хозяева приезжают к своим умершим питомцам чаще, чем обычно. В этом месяце отмечается звериный день поминовения усопших». (Марек Зелинский, «Газета wyborcza», 10 окт.)

ПРОТИВ МИФОВ

Современные страны резко отличаются друг от друга темпами развития, уровнем благосостояния, показателями безработицы. В чем здесь причина? Если оставить в стороне войны, главной причиной этих различий остается социально-политическое устройство различных стран. Огромную роль этого фактора можно без труда осознать, сравнивая Северную и Южную Корею, Восточную и Западную Германию, Кубу и Чили. А как обстоит дело в Польше? По оценкам начала 50-х годов, по доходу на душу населения мы не слишком отличались от Испании; а в 1989 г. он составлял менее 50% соответствующего испанского показателя. Даже несовершенный испанский капитализм оказался настолько более производительным по сравнению с антирыночным по своей природе социализмом!

Благосостояние зависит главным образом от общественного устройства, а от чего зависит само это устройство? В некоторых случаях оно навязывается извне, и тогда нужно говорить о том, как до этого дошло. Польша после II Мировой войны не сама выбрала социализм и — принимая во внимание существовавший тогда мировой геополитический порядок — увы, не могла самостоятельно от него защититься. С 1989 г. мы принадлежим к числу независимых и демократических стран, которые сами определяют свое устройство. Сравнить недавнюю зависимость Польши от Москвы и сегодняшние отношения с Брюсселем (то есть членство Польши в Евросоюзе) — не что иное, как самая бесстыдная демагогия.

В стране, где на протяжении стольких лет выборы были настоящим фарсом, нет причин сомневаться в преимуществах демократии, то есть выборности органов государственной власти. Можно только задуматься, почему в свободной Польше настолько меньшая (по сравнению с ПНР) часть населения вообще приходит на избирательные участки. Неужели ощущение долга перед собственной страной сегодня настолько слабее прежнего страха перед последствиями неучастия в тогдашних «выборах»?

Однако преимущества демократии не включают в себя гарантии, что независимо от поведения избирателей она всегда приведет к выбору достойных правителей, которые сформируют устройство страны, наиболее выгодное для ее развития. Существуют примеры демократических стран, где в

результате бездействия или неосмотрительных решений граждан развитие пошло в неверном направлении.

Демократический выбор (то есть выбор большинства) угрожает развитию страны, если в умах многих избирателей господствуют схемы и концепции, неминуемо обрекающие нас на коллективную катастрофу и при этом расхваливаемые как чудотворные рецепты. Против таких мифов нужно бороться, ибо их триумф привел бы, в частности, к новым тысячам безработных.

Я хотел бы обратить внимание читателей на несколько недоразумений принципиального характера. Особенно тех, самых распространенных, которые порождают немало специфических мифов. Основные мифы относятся главным образом к триаде: тип государства — положение отдельной личности — способы взаимодействия между людьми (административно-командный, рыночный, гражданское общество). Положение личности включает в себя пределы ее экономической свободы, в том числе основную ее составляющую — частную собственность (или ее отсутствие). От пределов индивидуальной свободы зависят, в свою очередь, доступные для граждан способы общественного сотрудничества. Рынок возникает не «из воздуха», а из экономической свободы людей. Когда они свободны, то, стремясь к улучшению условий своей жизни, они неизбежно вступают в различные добровольные взаимоотношения, которые и создают рынок (другие добровольные взаимоотношения создают гражданское общество). Рынок исчезает, сужается или деформируется, когда государство ограничивает пределы индивидуальной свободы или снижает уровень ее защиты. В условиях демократии решения об этом принимают в конечном счете избиратели, действующие под влиянием политиков и СМИ. И здесь мы снова возвращаемся к проблеме мифов.

Склад ума советской номенклатуры

Я помню анекдоты о советских официальных делегациях в США, члены которых, видя в магазинах полки, полные товаров, расспрашивали хозяев, кто тут (какое министерство) отвечает за снабжение прохладительными напитками, обувью, детской одеждой и т.п. У них в голове не укладывалось, что никто в государстве не должен за это «отвечать», ибо всего этого сумеет добиться «невидимая рука рынка». Так вот, многие мифы в наших публичных дискуссиях, затрагивающих возможности государства и рынка, полностью соответствуют складу ума тогдашних советских номенклатурщиков. Причем эти мифы у

нас сосредотачиваются не только в левой части политического спектра. Вовсе нет — значительное участие в их создании принимают и правые политики. В конце концов, это бывший премьер-министр, считающийся представителем правых сил, прославился в 1992 г. грубым издевательством над «невидимой рукой рынка». Это было лишь одно из многих доказательств того, что этикетки «правый» и «левый» служат скорее инструментами партийной пропаганды, нежели информацией о различиях во взглядах на принципиальные государственные проблемы. Значительная часть правых заражена у нас такими же антирыночными и коллективистскими настроениями, как самые что ни на есть правоверные левые. Они отличаются только лозунгами: одни пропагандируют свои методы во имя блага нации, другие — во имя блага общества.

Схему мышления советского номенклатурщика можно в общем виде изложить в следующем утверждении: «Если этого не сделает государство, то этого не сделает никто». Эта схема, что особенно забавно, соседствует в Польше с преувеличенной критикой политиков и чиновников и с вполне обоснованными жалобами на слишком высокие налоги.

Однако дело здесь заключается не только в том, что попытка решения очередных проблем с помощью государства означает расширение и укрепление власти (никому не нравящихся) политиков, рост значения и численности (никому не нравящихся) чиновников, а также рост потребности в бюджетных средствах, то есть повышение налогов. Что еще важнее, эти проблемы зачастую вытекают именно из излишне разросшихся функций государства (а отсюда — и его аппарата), и при этом государство зачастую пренебрегает своими основными обязанностями, определяющими самое его существо (защита индивидуальной свободы от внешней и внутренней агрессии). Тогда мы начинаем иметь дело с порочным кругом государственного интервенционизма: разросшийся государственный аппарат порождает проблемы, которые государство пытается решить путем дальнейшего увеличения его численности, что порождает новые проблемы и т.д., вплоть до наступления кризиса.

В связи с этим стоит заметить, что любая более или менее глубокая дискуссия об экономике неминуемо связана с ролью государства, любая более или менее глубокая дискуссия о государстве неизбежно затрагивает форму и структуру экономики, то есть прав людей в их стремлении повысить свой жизненный уровень. Невозможно разбираться в государственных проблемах и в то же время быть полным

невеждой в вопросах экономики, и наоборот — считать себя знатоком экономики и не интересоваться основными проблемами и ролью государства. Невежество в одной области неминуемо влечет за собой невежество в другой. Это в особенности относится к проблемам общества, которое проходит стадию преобразований. Я с беспокойством наблюдаю за попытками отделаться от анализа фундаментальных взаимозависимостей между государством и экономикой путем наклеивания этикеток-заклятий типа «сильное государство». Они выражают либо чисто пропагандистские расчеты, либо интеллектуальную беспомощность, либо то и другое одновременно. Что это вообще за штука такая — «сильное государство»? Государство, которое решает множество вопросов, много денег забирает у граждан и раздает им же, издает массу законов и правил? Государство развитого интервенционизма — это сильное государство?

Резкий рост отставания Польши от Запада в 1950–1989 гг. был результатом деятельности одного из самых интервенционистских общественных устройств, которые знает современность, — социализма. Эта система лишила людей экономической свободы, а частную собственность (за исключением потребительских благ) свела к преступлению против общества. В результате исчез легальный свободный рынок, а рыночное сотрудничество между людьми было сужено до «теневого сектора» и экономического подполья. Точно такой же опыт с социализмом пережили все страны бывшего советского блока, а также многие страны Третьего мира. Ускоренное экономическое развитие КНР с конца 70-х годов возникло не потому, что китайцы сумели найти какую-то лучшую форму социалистического устройства, а потому, что они быстро (хотя и в условиях отсутствия демократии) переходят к капитализму. В упомянутый период доля частного сектора в экономике выросла там с нуля примерно до 70%. Китай гораздо больше открылся внешнему миру и привлек в несколько раз больше прямых зарубежных инвестиций, чем Индия, считающаяся страной «капиталистической». И разве этот опыт не должен склонять нас к скептицизму по отношению к обещаниям антирыночных интервенционистов, воспевающих непомерно разросшееся государство и издевающихся над «невидимой рукой рынка»?

Путь к безработице и от нее

Скептицизм по отношению к обещаниям интервенционистов должен относиться и к менее крайним формам интервенционизма, чем социализм. Один из самых

распространенных мифов приписывает социализму полную занятость, а капитализму — безработицу. А поскольку высокая безработица в Польше возникла в процессе перехода от социализма к капитализму, то, значит, в этом виноваты рыночные реформы! На этом рассуждении спекулируют самые разнообразные популисты, но иногда, как я заметил, «покупаются» и некоторые сторонники польских реформ. Зададимся вопросом: действительно ли капитализм неизбежно приводит к высокой безработице? И действительно ли ее причина в нашей стране — избыток рыночных реформ?

При социализме и только при социализме было возможно добиться своеобразной полной занятости, исходя из основного принципа уравниловки, выраженного в известном двустишии: «Хочешь — спи, а хочешь — куй...» За эту «уверенность в завтрашнем дне» приходилось платить растущим отставанием от стран с рыночной экономикой. Рост благосостояния невозможен при отсутствии условий для добросовестного и творческого труда; невозможно также, чтобы на заводах был социализм, а в магазинах — капитализм. Таким образом, поворот к свободному рынку должен означать отказ от социалистической «уверенности в завтрашнем дне», но — вопреки распространяемым мифам — свободный рынок или капитализм не ведут неминуемо к устойчивой высокой безработице. Подобные взгляды — пережиток марксизма, который провозглашал неизбежность «резервной армии труда» при капитализме. Марксизм по-прежнему раздает у нас направо и налево свои отравленные идейные дары. Нельзя позволять ослеплять себя доктрине, навязанное господство которой в Польше так дорого нам обошлось. Посмотрим на современный мир и на результаты научных исследований. Хотя все страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) считаются капиталистическими, они значительно отличаются друг от друга уровнем устойчивой безработицы. Особенно высок этот уровень в Италии, во Франции и в Германии. Для всех этих стран характерен вовсе не разнузданный, «дикий» капитализм, но как раз наоборот — развитый интервенционизм, который в значительной степени ограничивает возможности и деформирует действие рынка в экономике. Существует множество эмпирических исследований (в частности, проведенных в самом ОЭСР), которые показывают, что сочетание высокой структурной безработицы и государственного интервенционизма вовсе не случайно. К основным причинам подобного рода безработицы относятся: во-первых, огромные государственные поборы, непомерно отягощающие стоимость рабочей силы (результат чрезмерных расходов на социальные нужды); во-вторых,

институциональные барьеры на пути создания и развития предприятий; и, наконец, паралич рынка труда, обусловленный законодательно установленным минимальным размером заработной платы и некоторыми другими обязательными правилами, ограничивающими свободу трудовых соглашений, заключаемых между работниками и предпринимателями. Упомянутые исследования показывают также, что там, где наблюдается высокая безработица, она затрагивает в основном молодежь и женщин. Антирыночный интервенционизм — проводимый в жизнь во имя «защиты слабейших» — как раз сильнее всего бьет по группам, считающимся слабейшими! Это одна из его типичных черт — когда лозунги расходятся с действительностью. Можно даже сказать без обиняков, что его результаты, как правило, всегда оказываются противоположными обещанным.

Так что вовсе не капитализм как таковой неминуемо приводит к высокой устойчивой безработице, а лишь некоторые его виды, для которых характерны различные формы антирыночного интервенционизма. Таким образом, высокая безработица в Польше — это следствие вовсе не избытка рыночных реформ: оздоровления государственных финансов, либерализации рынка труда, устранения барьеров на пути предпринимательства, — а как раз наоборот, их торпедирования. Об этом можно прочесть, в частности, в ряде отчетов ОЭСР, Европейского банка реконструкции и развития, Всемирного банка и Международного валютного фонда.

Высокая структурная безработица в нашей стране — это не детище свободного рынка, а результат триумфа антирыночной демагогии, которая сумела блокировать его развитие. В результате экономическое устройство в Польше страдает теми заболеваниями, с которыми борются такие страны, куда богаче Польши, как Германия, Франция и Италия. Только политическое поражение демагогии позволит Польше быстро сократить безработицу. Сделать это вполне можно — в Испании при правительстве Аснара определенная доза дерегулирования и реформа государственных финансов позволили за несколько лет сократить безработицу с 24 до 12%. Великобритания до сих пор пользуется плодами рыночных реформ Маргарет Тэтчер — низкой безработицей и устойчивым экономическим ростом. Заслуги «Железной леди», не обращая особого внимания на идеологические этикетки, высоко ценят ее преемники. Страны Прибалтики и Словакия явно опережают нас в реформах и благодаря этому укрепляют свое развитие и снижают безработицу.

Пустые обещания и объективные законы

Уровень устойчивой безработицы во многих аспектах зависит от налоговой политики государства и от состояния его финансов. Возьмем простейший фактор: высокие налоги, особенно те, которые ложатся непосредственным бременем на стоимость рабочей силы (подходный налог, различные обязательные отчисления), повышают эту стоимость для предпринимателей и тем самым снижают их спрос на работников. Здесь действует могучий закон спроса и предложения. Он универсален, потому что уходит корнями в определенные особенности человеческой природы.

Закон спроса и предложения нельзя отменить, но его можно не соблюдать, что приносит различные неприятные для людей последствия — примером тут могут послужить массовые очереди при социализме. Эти неприятные последствия как раз и доказывают, что закон спроса и предложения действует объективно. Так же обстоит дело и с законом всеобщего тяготения: если кто-то в него не верит — пусть спрыгнет с вышки и ударится о землю. Заявления о том, что законы экономики можно обойти, свидетельствуют не только о самодовольном невежестве, но и о презрении к человеку. Не случайно эту доктрину провозглашали большевики. Обожествление коллектива (человечества, общества, нации) идет рука об руку с ухудшением положения человеческой личности.

Возвращаясь к финансам, нужно спросить: а откуда вообще берутся высокие налоги? Тут особенно задумываться не приходится, ответим сразу: это результат высоких расходных статей государственного бюджета. Поддержание их на высоком уровне, а тем более — дальнейшее раздувание (а значит, и повышение налогов), будет способствовать сохранению высокой устойчивой безработицы. А что мы слышим от многих участников наших публичных дискуссий? Обещания дальнейших бюджетных расходов как панацею против любых проблем, в том числе и против безработицы! И это происходит в ситуации, когда процент государственных расходов и налогов от ВВП в Польше значительно выше, чем в Швеции, Германии, Франции и Италии в те времена, когда у них был примерно такой же, как у нас сейчас, уровень доходов на душу населения. И это происходит тогда, когда нас явно опережают те постсоциалистические страны, которые ограничили чрезмерно разросшуюся фискальную позицию государства. И, наконец, все это происходит тогда, когда исследования развития так называемых «экономических тигров», то есть стран, которые

достигли весьма быстрого и устойчивого долгосрочного роста экономики при почти полной занятости, позволяют сформулировать хорошо обоснованную гипотезу, что одним из условий их успеха были низкие бюджетные расходы и (благодаря этому) низкие налоги. Экономическая система Швеции, когда она была таким «тигром», то есть когда она пробивалась в передовой отряд экономически развитых западных стран, тоже характеризовалась этими чертами.

У нас же серьезная дискуссия на тему, как изменить фискальную позицию государства, чтобы сделать возможным устойчивое ускорение развития экономики и уменьшить безработицу, вытесняется «термодинамическими» лозунгами. Дальнейшее увеличение бюджетных расходов рекламируют под лозунгом стимулирования («разогрева») экономики. Это один из постоянно бытующих в Польше рецептов на чудесное исцеление. Однако при этом оздоровлению государственных финансов у нас препятствуют во имя борьбы против «охлаждения» экономики!

В этом соревновании демагогов постоянно слышны декларации о «социальной ответственности», об общественных нуждах, о солидарности, о соцобеспечении, об активном государстве, о противостоянии жестокосердным прислужникам богачей и заграничного капитала.

Каким образом эти лозунги могут привести к тому, что в Польше сократится безработица? Откуда возьмутся деньги на финансирование обещаний бюджетного распределения благ? Некоторые мифотворцы рассчитывают попросту на то, что люди не будут связывать бюджетные расходы с высокими налогами. Другие обещают, что отыщут недостающие деньги из различных резервов (тут немедленно вспоминается знаменитый антиинфляционный резерв Польского национального банка). Третьи, скромно представляясь представителями Добра, утверждают, что сумеют достать эти деньги благодаря эффективной борьбе против Зла (а что такое Зло, будут решать они сами).

Мифов и бредней избежать невозможно. Однако из этого тезиса ни в коей мере не вытекает призыв к безразличию и бездеятельности. Ибо здесь мы не говорим об ошибочных представлениях, относящихся к природе, — например, о мнении, что рост кенгуру достигает 10 метров. Мы говорим о широко распространенных ложных схемах и мифах, касающихся эволюции общественного устройства свободной Польши.

Подобные мифы свидетельствуют только о нашей отсталости. С ними можно и нужно бороться. И по меньшей мере — послать их вместе с и их создателями куда подальше.

Лешек Бальцерович — вице-премьер и министр финансов в правительствах Тадеуша Мазовецкого, Яна Кишиштофа Белецкого и Ежи Бузека, с 2000 г. — президент Польского национального банка.

«СОЛИДАРНОСТЬ» И СОВЕТСКИЕ ДИССИДЕНТЫ

1981 год был в Советском Союзе годом особым. Ослабленный все новыми неудачами на международной арене, послаблениями в «братских» странах Восточной Европы, огромными экономическими трудностями и внутренней напряженностью, СССР искал, как выйти из тупика, не реформируя, а ужесточая систему. В Кремле нервно обсуждали возможность вооруженной интервенции в Польше, чтобы подавить первое в соцлагере массовое оппозиционное профсоюзное движение — «Солидарность».

1979–1984 годы — это период усиленных гонений на всякие формы оппозиционной деятельности в СССР. Власти откровенно ужесточили репрессии против диссидентов. Приговоры за оппозиционную деятельность становятся все суровее, все чаще отбывших срок тут же арестовывают заново. КГБ, возглавляемый Юрием Андроповым, приобретает опыт в борьбе с оппозицией. Еще чаще, чем прежде, используется карательная психиатрия. Все это ведет к ослаблению оппозиции.

Безответственные поляки и рабочий класс Страны Советов

«Солидарность», родившаяся в 1980 г., оказала заметное, но косвенное влияние на ужесточение внутренней политики в Советском Союзе. Коммунистические власти внимательно наблюдали за тем, что происходит за восточной границей империи. КГБ и другие спецслужбы делали все, что могли, чтобы заглушить голос польских рабочих, который, по их мнению, мог расшатать советскую тоталитарную систему. Поэтому их реакция на I съезд «Солидарности» и его «Послание к трудящимся Восточной Европы» была такой нервной, резкой и непоследовательной.

В то время я жил в СССР и хорошо помню настоящий психоз, который охватил всю страну после того, как было оглашено послание. У меня было впечатление, что не было ни одного предприятия, учреждения или вуза, где по команде партийных властей не был бы организован митинг протеста против вмешательства «безответственных» поляков во внутренние дела советского рабочего класса. Сотни тысяч людей обязаны

были громко обвинять «Солидарность» в предательстве интересов трудящихся и вмешательстве во внутренние дела Страны Советов.

Проводившаяся с размахом кампания достигла цели, весьма далекой от замысла организаторов. Гневное возмущение деятельностью «Солидарности», демонстрировавшееся на митингах специально подобранными партийными и профсоюзными чиновниками, часто было лишь видимостью. Тем более что почти никто из армии протестующих обращения «Солидарности» даже не читал. Их возмущение опиралось исключительно на партийные директивы. Они обязаны были протестовать, не вполне представляя, против чего и против кого протестуют. А те немногие, кто из подвергающихся мощной заглушке «вражеских голосов» кое-что знал о том, что происходило на I съезде «Солидарности», предпочитали молчать.

Такие розыгрыши могли быть успешными в атмосфере всеобщего страха, такого, какой господствовал в сталинские времена. А когда до горбачевской перестройки оставалось всего четыре года, их эффективность вызвала серьезные сомнения.

Текст «Послания к трудящимся Восточной Европы» был лаконичен:

«Делегаты, собравшиеся в Гданьске на I съезд независимого самоуправляющегося профсоюза “Солидарность”, приветствуют рабочих Албании, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Румынии, Чехословакии и всех народов Советского Союза и выражают им свою поддержку. Как первый независимый профсоюз в нашей истории, мы глубоко ощущаем единство наших судеб. Заверяем вас, что вопреки лжи, распространяемой в ваших странах, мы являемся подлинным 10 миллионным представительством трудящихся, возникшим в результате рабочих забастовок. Наша цель — борьба за улучшение существования всех трудящихся. Мы поддерживаем тех из вас, кто решился вступить на трудный путь борьбы за свободное профсоюзное движение. Мы верим, что уже скоро ваши и наши представители смогут встретиться, чтобы обменяться опытом» (перевод: «Континент» №29, 1981).

Последние фразы о поддержке тех, кто выбрал «путь борьбы за свободное профсоюзное движение», были явным ответом на послание съезду «Солидарности» от Учредительного комитета свободных профсоюзов в СССР, где, в частности, говорилось:

«Ваша борьба за права простых людей в Польше — это и наша борьба. Все, чем вы способствуете гибели лжи и лицемерия, осуществлению фундаментальных нужд трудящихся, ослабляет и наш режим. Польша не станет свободной, пока не станет свободной Россия. (...) «Солидарность» сегодня указывает нам путь»^[1].

Провалившаяся кампания

В письме советских диссидентов были и слова о том, что «наше рабочее движение только рождается», выражена надежда, что и в СССР «рабочие порвут путы государственных профсоюзов».

Кем были люди, направившие польским профсоюзникам такое послание? Кто их поддерживал? Действительно ли в начале 80 х в СССР были люди, которые пытались учреждать свободные профсоюзы?^[2]

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, хочу отметить один феномен. Проводившаяся с широким размахом кампания, целью которой было заклеить «Солидарность», не возбудила ожидавшейся властями враждебности к польским рабочим. Скорее она устроила своего рода рекламу «Солидарности» и ее борьбе за права трудящихся. Для многих русских, украинцев, белорусов, прибалтов и представителей других национальностей Советского Союза «Солидарность» благодаря этой кампании перестала быть чем-то далеким и непонятным. Откровенно возрос интерес к независимому профсоюзу, легально действующему в соседней социалистической стране. В СССР этот интерес усиливался еще тем, что польские профсоюзники ответили на послание учредительного комитета свободных профсоюзов в их собственной стране. Текст его неоднократно передавался и комментировался почти всеми западными радиостанциями.

Вокруг письма, оглашенного на съезде «Солидарности» будущим лидером подпольной «Сражающейся Солидарности» Корнелем Моравецким, до сих пор существует много неясностей и разноречий. В этой статье я попробую поставить все — или почти все — точки над «i».

Группа московских социалистов

Идея направить письмо съезду «Солидарности» родилась среди московских диссидентов, которых «Хроника текущих событий» определяет как «группу московских социалистов». Неформальным лидером группы был Андрей Фадин. Главным идеологом и автором большинства программных документов

— Павел Кудюкин. Среди активных членов группы были также Борис Кагарлицкий, Юрий Хавкин, Михаил Ривкин, Владимир Чернецкий, Григорий Зайченко, Олег Буховец, Сергей Карпюк. В большинстве своем они были студентами истфака МГУ, где и познакомились.

Первый опыт диссидентской деятельности Андрея Фадина и Павла Кудюкина относится еще к студенческим временам. На доске факультетской стенгазеты они поместили свою статью, призывавшую к демократизации политической жизни в СССР. Текст вызвал серьезный скандал, который факультетскому руководству едва удалось замять.

Первый опыт убедил лидеров группы в необходимости вести оппозиционную деятельность в условиях строгой конспирации. Поэтому им сравнительно долго удавалось действовать и оставаться незамеченными. Большинство членов группы были арестованы весной и летом 1982 года. Но причиной этого было не обращение к съезду «Солидарности», а другие — по мнению властей, серьезные — провинности.

Участники группы в то время отождествляли себя с марксизмом и разделяли мнение о необходимости улучшения социализма советского типа. Однако взгляды членов группы не характеризовал т.н. неоленинизм, в свое время довольно распространенный в оппозиционных кругах. «Молодые московские социалисты» отождествляли себя скорее с демократическим социализмом «шведского» типа. Тем не менее во время следствия их обвиняли в умысле на насильственное свержение советского строя. Речь шла о «Союзе коммунаров», создание которого проектировал Павел Кудюкин по образцу Парижской коммуны.

Попытка свержения в ста экземплярах

«Подрывной», по мнению властей, «Союз коммунаров» так никогда и не был создан. Однако идея его создания довольно часто обсуждалась на страницах издаваемых группой самиздатских журналов: «Варианты», «Левый поворот», «Социализм и будущее». Следователи КГБ установили, что члены группы размножили на пишущей машинке и распространили около ста экземпляров своих журналов. На самом деле их общий тираж был больше.

Возникновение «Солидарности» было для «молодых социалистов» дыханием свежего ветра, знаком надежды, подтверждением, что избранный ими путь, направленный на пробуждение рабочего класса в государствах

коммунистического лагеря, верен. Они ловили в западных радиопередачах всякую новость о польском свободном профсоюзе, часами обсуждали, как использовать опыт поляков в условиях Советского Союза. Я был свидетелем и участником этих разговоров.

Деятельность группы «молодых социалистов» была направлена на создание в условиях тогдашнего Советского Союза сильной, сравнительно многочисленной и эффективной подпольной организации, способной затронуть рабочий класс и побудить его к открытому протесту. Образцом для них был польский Комитет защиты рабочих (КОР), а позднее — и «Солидарность». Пока было возможно, я подписывался на «Жиче Варшавы» и «Политику», из которых что-то можно было узнать о положении в ПНР.

Обсуждали вопрос создания подпольных типографий, способных печатать тысячи листовок. Велась подготовка к «хождению в народ». Андрей Фадин перед арестом собирался уволиться с работы и пойти простым рабочим на предприятие, чтобы вести пропагандистскую деятельность среди рабочего класса.

Кроме своих самиздатских журналов «молодые социалисты» перепечатывали на машинке книги Солженицына, Оруэлла, Фридриха фон Хайека и других запрещенных авторов. Среди изъятого на обысках были «Посев», «Континент», «Грани», «Хроника текущих событий», документы Московской Хельсинкской группы.

Обучение конспирации

С Андреем Фадиным и Павлом Кудюкиным я познакомился через их друга и однокурсника Олега Буховца, который в 1977 г., окончив истфак МГУ, был взят в Институт истории АН Белорусской ССР, где я работал. Тогда деятельность «московских социалистов» только-только начиналась.

Интеллектуальный уровень друзей Буховца, их свободные речи и восхищение польским оппозиционным движением произвели на меня, человека из советской провинции, огромное впечатление. Вскоре мы подружились, и я стал членом их группы, завсегдатаем диссидентских разговоров.

Знаменательным было отношение Фадина и Кудюкина к конспирации. Фадин создал сложно устроенную систему конспирации, правилам которой должны были подчиняться все члены организации и ее окружение. Вначале это выглядело

несколько инфантильным и даже наивным, но во время следствия, когда многие вещи удалось скрыть от КГБ, мы убедились в правильности на вид преувеличенных мер Андрея. А в 1981–1982 гг. ГБ уже вплотную ходило за социалистами и их арест был только вопросом времени.

В 1979 г. я женился на польке, вроцлавянке. Фадин и Кудюкин отнеслись к этой перемене в моей личной жизни как к замечательной возможности установить контакты с «Солидарностью», а при случае — и сотрудничество. С тех пор наши отношения стали глубоко законспирированными. Иногда я несправедливо нервничал, когда Андрей часами заставлял меня менять маршрут в метро, пока не был уверен, что за нами нет «хвоста». Почти никогда мы не говорили по телефону. Встречались в нескольких заранее установленных, трудно поддающихся расшифровке местах. Главным конспиративным связным между нами была машинистка Фадина Ольга Иванова.

И все-таки эта конспирация не спасла меня от КГБ. Меня вызывали на допросы, угрожали судить. Не позволили поехать в Польшу, к жене и сыну. На постоянное жительство в Польшу я приехал только в 1985 г., уже во время перестройки.

Лучший тайник — голова

В 1981 г. советские власти закрыли польскую границу для частных поездок. Это касалось и меня, несмотря на жену и сына в Польше. Существовала, однако, возможность обойти запрет. Во Вроцлаве у нас был знакомый врач — потом в подполье он стал активистом «Сражающейся Солидарности», — который обещал дать справку о тяжелой болезни ребенка. На этом основании, получив соответствующие документы из Польши, я мог рассчитывать, что мне разрешат краткую поездку к семье. Ехал я с письмом съезду «Солидарности» в голове.

Идею обращения выдвинул Андрей Фадин. Мы обсуждали этот вопрос в конце весны 1981 года. Фадин доказывал, что люди в Польше должны узнать, что борьба «Солидарности» за права рабочих не осталась без отклика в самой большой стране социалистического лагеря, что в СССР есть люди, которые хотят пойти путем, проложенным «Солидарностью». Текст был написан в одном московском парке в июне того же года. Написали его Андрей Фадин и автор этих строк. Записали мы письмо шифром, а перед отъездом в Польшу я выучил его наизусть. Угрозы провала на границе не было.

Под документом была поставлена подпись: «Учредительный комитет свободных профсоюзов в СССР». Идея создания

свободных профсоюзов в СССР рассматривалась среди «молодых социалистов» задолго до 1980 года. Однако это были чисто теоретические дискуссии, которые только после польского Августа и создания «Солидарности» приобрели реальную основу. Но конкретные действия в этом направлении так и не были предприняты. Сначала не было никаких возможностей, а потом руководство группы было арестовано.

В Польше путь письма был простым. Во Вроцлаве я с лета 1980 г. дружил с активистом «Солидарности», делегатом съезда Корнелем Моравецким, позднее в подполье учредителем и лидером «Сражающейся Солидарности». Он и прочитал наше письмо с трибуны.

Игра на жизнь или смерть

Наши первые отклики на известие о том, что план доставки обращения удался, были триумфальными. Однако вскоре под влиянием крайне нервной реакции властей на «вмешательство “Солидарности” во внутренние дела СССР» триумф превратился в подавленность. Мы поняли, какую бурю ярости вызвали. Был и страх перед репрессиями. О съезде «Солидарности», который старательно замалчивали советские СМИ, внезапно узнала вся страна. Это явно превзошло наши ожидания.

Я неслучайно употребил слово «страх». Советская тоталитарная система была куда более грозной и жестокой, чем польская. К востоку от Буга ставкой в игре были жизнь и смерть, а не свобода и тюрьма. Тем не менее никто и не подумал прекращать деятельность. После ареста членов группы среди вещественных доказательств оказались десятки изъятых на обысках листовок с текстом «Послания 1 го съезда “Солидарности” трудящимся Восточной Европы» на русском языке. Молодые социалисты стремились в меру своих ограниченных возможностей распространять правду о борьбе польских рабочих, правду о том, что происходит в ПНР. Однако перед лицом механизма тоталитарного государства они были бессильны.^[3]

Николай Иванов — в 1989–2004 гг. сотрудник редакции белорусской и северокавказской редакций радио «Свобода». Автор ста с лишним научных и публицистических трудов. За книгу «Первый наказанный народ. Поляки в Советском Союзе. 1921–1939» получил премии «Политики» и имени президента Эдварда Рачинского (Лондон). Учредитель и на протяжении многих лет председатель организации «Охрана польских могил на востоке». В настоящее время профессор Опольского

университета. В 80-е годы тайно сотрудничал с парижской «Русской мыслью», в частности доставил в редакцию белорусский текст экспертизы вскрытия массовых могил в Куропатах, в русском переводе целиком опубликованный как спецприложение к газете.

Что касается описываемого автором Учредительного комитета свободных профсоюзов, то и сам автор дальше признает, что никакой больше деятельности этот комитет не проводил, т.е. послание съезду «Солидарности» было его единственным актом. Зато принято считать, что из этой группы вышло обращение к польским рабочим после объявления военного положения, авторы которого пишут: «Мы, социалисты, социал-демократы и все честные люди России, присоединяемся к миллионам людей, желающих вам победы».

Можно отчасти согласиться с Н.Ивановым, когда он пишет, что документ съезда «Солидарности» был ответом на полученное из Москвы письмо. Оно было опубликовано в крупнейшем информационном издании независимого профсоюза «АС» («Агентство Солидарность») 30 августа 1981 г., а потом и прочитано с трибуны съезда. Но, безусловно, послание «Солидарности» было ответом не на одно только это письмо, а еще и на хорошо известные в Польше попытки организовать свободные профсоюзы в СССР и Румынии, по времени совпавшие с учреждением первых свободных профсоюзов в Силезии и городах Балтийского побережья Польши. Представители всех этих профсоюзов за границей контактировали друг с другом и информировали своих товарищей на родине о том, что происходит в других странах соцлагеря. Еще шире эта информация распространялась в эпоху легальной «Солидарности». У СМОТа, по-видимому, были и прямые контакты с «Солидарностью» — в редакционной статье 25-го номера, посвященной введению военного положения в Польше, между прочим, говорится: «В марте нынешнего [1981 го] года мы предупреждали “Солидарность” о тайной войне “ястребов”...» К сожалению, ни предыдущего номера (№23–24), где содержится материал «Россия и Польша» (может быть, с откликами на послание съезда «Солидарности» трудящимся Восточной Европы?), ни следующего, который редакция обещала целиком посвятить Польше (да и вышел ли он?), мне пока найти не удалось.

Выходя за рамки узкой темы о ростках свободного профсоюзного движения, стоит отметить, что послания съезду «Солидарности» направляли и советские политзаключенные. Мне известно два таких обращения:

«Мы с вами, наши дорогие польские братья, в ваш звездный час. Григорян, Жгенти, Маринович, Монаков, Некипелов, Огородников, Сафронов». Авторы — политзаключенные 36 й зоны Пермских политлагерей; опубликовано в «Русской мысли» и в «Континенте».

«Приветствуем вашу борьбу за вашу и нашу свободу, ваше стремление построить общество демократического социализма Русская, украинская, литовская и латышская оппозиция выражают вам солидарность». Это письмо, которое написали заключенные 3 й зоны мордовских политлагерей В.Осипов, Е.Анцупов, Ю.Бадзьо, Д.Мазур, В.Скуодис, А.Янулис и Зариньш, было опубликовано в «Хронике текущих событий».

«6 апреля 1982 года были арестованы Андрей Фадин, Павел Кудюкин, Борис Кагарлицкий, Юлий Хавкин, Владимир Чернецкий, а несколько позже — Михаил Ривкин в Москве и Андрей Шилков в Петрозаводске. Их обвинили в “антисоветской пропаганде” и в создании антисоветской организации, но — случай почти беспрецедентный — заступничество западных коммунистических и социалистических партий и согласие “раскаться” привело к освобождению от суда всех, кроме Шилкова и отказавшегося от раскаяния Ривкина» (Л.Алексеева. История инакомыслия. На основе анонимного документа, составленного В.Прибыловским). Михаил Ривкин получил семь лет лагеря и пять — ссылки (то есть высший предел по ст.70), Андрей Шилков — три плюс три.

О поведении лидеров группы на следствии и суде говорят по-разному. Владимир Прибыловский, автор сообщения о «деле социалистов» (отправленного прямо на Запад; «Хроника» уже не выходила — в двух ее последних номерах сведения только об аресте и ходе следствия), в недавнем интервью Алексею Пятковскому (сайт «Игрунов.ру») говорит:

«Да, насчет “покололись” и “всех заложили” — я, так сказать, живое свидетельство, что не все и не всех. То есть, они, конечно, дали показания на себя и отчасти друг на друга, что противоречит диссидентской этике. (...) Но еще не попавшихся людей они старались не впутывать. (...) ...о том, что я имел отношение к группе, знали и Кудюкин, и Фадин, и Кагарлицкий (Борис, правда, мою фамилию тогда вроде не знал). Никто из них меня на следствии не назвал. Если б кто назвал, со мной были бы совсем другие разговоры в ГБ. Ну а больше всех про меня знал — тоже без фамилии, правда — Миша Ривкин, который вел себя на допросах вообще героически. (...)

С Ривкиным мы встречались и незадолго до его ареста. Он спросил: “Ты как, собираешься это дело продолжать?” Я говорю: “Пока еще да — годочек собираюсь”. Он: “А я уйду. Но перед этим я сведу тебя с кем-то другим”. Я спрашиваю: “А в чем дело?” Он: “Меня достало и это подполье, и этот социализм. Я лучше примкну к какой-нибудь открытой диссидентской группе и буду правами человека заниматься”.

Это был наш предпоследний разговор перед его арестом. А буквально за несколько дней перед началом этих арестов мы с Ривкиным случайно столкнулись в метро, и он сказал, что всё, он точно уходит, и что на нашей следующей встрече он меня кому-то передаст. А следующей встречи не получилось, потому что его арестовали. Так как на суде и следствии он не раскололся и отказался каяться, то ему дали по полной — семь плюс пять».

Иначе оценивал поведение своих подельников Андрей Шилков: «...не все причастные к тому делу держались после ареста достойно. Если Михаил Ривкин получил 7 лет лагерей и 5 ссылки, то большинство его подельников, дав “откровенные” показания, вышли после следствия на свободу. Как, например, нынешний лидер Партии труда Борис Кагарлицкий, который сегодня пытается оболгать Михаила Ривкина. Оправдывая свое предательство, он стремится доказать, что в то время нужно было не садиться, а, сохранившись, донести “святую искру” до наших дней... Другой — Паша Кудюкин — стал замминистра труда в правительстве России. Если после суда над Ривкиным он каялся в своей слабости и не пытался оправдаться, то месяц назад заговорил иначе: “Ну сели, так сели, а я здесь причем? Мишка — сам дурак, дал бы показания, его бы выпустили...”»

Кстати, Прибыловский в своем интервью, целиком посвященном самиздату, рассказывает (безотносительно к «группе социалистов»):

«Еще наша университетская общежитская компания размножала... Сколько там их было — требований польских рабочих? “Двадцать одно требование”? Я достал канадскую (даже не английскую) коммунистическую газету (она тогда продавалась), где они были напечатаны на английском языке. Мой однокурсник Владик Зубок перевел их мне, а я их размножил».

1. Приводится по: «Континент» №30, 1981, где письмо дано в обратном переводе с польского. Русский оригинал, по всей видимости, не сохранился (см. далее рассказ автора статьи об

истории возникновения текста). — Здесь и далее прим. Н.Горбаневской.

2. Такие люди были в СССР уже в 1977-1978 гг., когда был учрежден первый Свободный профсоюз (известный как «профсоюз Клебанова»), а вслед за ним — СМОТ (Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся). Имена учредителей были объявлены, и на протяжении конца 70 х — первой трети 80 х первые ростки свободного профсоюзного движения были удушены тяжкими репрессиями. Тем не менее временно уцелевшие от репрессий и прибавлявшиеся к ним новые члены СМОТа продолжали выпускать «Информационный бюллетень», на страницах которого важное место занимали польские события. В частности, здесь было напечатано и «Послание к трудящимся Восточной Европы».
3. Следует добавить несколько слов о том, чем кончилось ныне уже забытое (в немалой степени — стараниями самих главных участников) «дело молодых социалистов».

ОТСТРАНЕННОСТЬ И СОЧУВСТВИЕ

Анджея Стасюка (род. 1960) часто, исходя из его возраста, относят к поколению «Брульона» — журнала, нелегально издававшегося во второй половине 80-х, который сторонился как пропаганды, так и «высокого штиля» политической оппозиции. Стасюк был связан с оппозиционной группой «Свобода и мир»; полтора года он провел в тюрьме за отказ продолжать военную службу — после того как не вернулся в часть из увольнения. Этот опыт, мне кажется, повлиял на характер его творчества. Основанные на тюремных впечатлениях рассказы, вошедшие в его первый сборник «Стены Хеврона» (1994), как и ряд позднейших произведений Стасюка, можно определить как квазирепортаж. Внимание критики привлекла не столько экзотическая среда, которая там показана (хотя она тоже весьма любопытна), сколько сам языковой строй этой прозы. Впрочем, то же можно сказать и о следующей книге писателя — «Белый ворон» (1994), по которой Ежи Залевский в 1995 г. снял фильм «Поганцы». Рецензент «Газеты выборчей» подчеркивал: «Содержание „Белого ворона“ вызывает у меня сомнения, но язык романа местами просто блистательный».

Что же это за язык? В отношении Стасюка, безусловно, уместно употребить термин «поэтизация прозы». Эта тенденция в его творчестве усиливается от книги к книге, особенно ярко она проявляется в таких вещах, как «Галицийские рассказы» и «Дукля», где предметом художественного освоения становятся пограничные пространства, периферия. Здесь Стасюк опирается и на традиции «литературы кресов» (т.е. восточных окраин Польши), обращаясь прежде всего к таким авторам, как Зигмунт Хаупт (к сборнику его рассказов Стасюк написал послесловие, которое подтверждает их родство), Ежи Стемповский и Станислав Винценц, чья многотомная эпопея «На высокой полонине» стала важной вехой на пути литературного становления писателя. Ну и не стоит забывать о «genius loci», духе местности, пусть изменившемся, но не исчезнувшем, несмотря на все исторические потрясения XX века.

Однако дело не только в насыщенности прозы Стасюка поэтическими элементами. Писатель обладает редким даром наблюдения и обобщения. Вот прекрасный пример из его последней книги «По дороге в Бадабаг» (2004), награжденной важнейшей в Польше премией «Нике»:

«Я прихватил домой буклет, который нашел на каком-то постоялом дворе около хорватской границы. В цветной брошюрке вместе с рекламой трактиров, гостиниц и кемпингов была напечатана маленькая карта Европы. Испания со своим Мадридом, Франция — с Парижем, Швейцария — с Цюрихом, Австрия — с Веной и т.д. На юг и восток от Праги и Будапешта начиналась некая *terra incognita*: у государств не было столиц, а некоторые и сами отсутствовали. Не было Словакии; Молдавия, Украина и Белоруссия растворились в высохшем море бывшей империи».

В этом смутном пространстве Стасюк передвигается уже давно. В произведении «Середина лета, Плоскогорье» он признается:

«Не будет сюжета с его обещанием начала и надеждой на конец. Сюжет — отпущение грехов, мать дураков, но он исчезает в свете забрезжившего дня. Темнота или слепота придают вещам смысл, когда разуму приходится искать пути во мраке и он светит сам».

Но не стоит, конечно, принимать эти слова до конца всерьез. Хотя Стасюк, скорее, мастер малых форм, и его романы не столь убедительны, как рассказы, перипетии созданных им сюжетов увлекают читателя. Только происходит это по несколько иным причинам, чем, например, в классической литературе. Стасюк, как мне кажется, нашел для своей прозы место на границе литературы и репортажа. Рискну высказать предположение, что при всем своеобразии творчества Рышарда Капустинского, Ханны Краль и самого автора «По дороге в Бадабаг», это созвездие современных польских писателей объединяет нечто общее. Их тексты — к какому бы из традиционных жанров их ни относили — совмещают в себе литературный репортаж и поэтическое эссе, в основе которого лежит глубокое переживание истории. В них сочетаются внимание к детали и способность к обобщению, отстраненность и сочувствие.

Каждый из этих писателей идет своим путем, имеет свою, четко определенную тему. Но их объединяет попытка уловить смысл происходящих в мире перемен как следствия современного исторического опыта. Капустинского интересуют глобальные изменения, Краль — осознание (или неосознание) значения Катастрофы, Стасюк же пытается проникнуть в

особое самоощущение периферии, существующей на стыке культур, и спасти его от исчезновения. Пограничные области не просто находятся вне центра (по определению), они своим самоощущением этот центр отрицают — в чем, как мне кажется, и заключается самая суть рассказа, который Стасюк ведет из книги в книгу. Лишь область Бескид писатель исключает из понятия пограничья, хотя она, несомненно, играет здесь особую роль. Стасюк отправляется дальше, вглубь отвергаемых, но продолжающих жить своей жизнью территорий «другой Европы», без которых Париж и Брюссель, даже не отдавая себе в этом отчета, не могли бы существовать в своем теперешнем виде. Эти тонкие, едва ощутимые связи — в свое время рассмотренные Стемповским в превосходном эссе «От Бердичева до Рима» — превратились теперь в основной мотив творчества Стасюка.

ПО ДОРОГЕ В БАБАДАГ

ТОТ СТРАХ

Да, это тот страх, те поиски, следы, истории, происшествия, которые должны заслонить собой недостижимую линию горизонта. Снова ночь, и все отдаляется, теряется под покровом черного неба. Я совсем один и заставляю себя вспоминать разные случаи, потому что на меня накатывает страх перед бесконечностью. Душа растворяется в пространстве, как капля в пучине моря, но я слишком труслив, чтобы сделать это своей верой, слишком стар, чтобы смириться с утратой, и еще я знаю, что только в видимом можно найти утешение, что только в теле мира мое тело найдет приют. Я хочу, чтобы меня похоронили во всех тех местах, где я побывал и еще побываю. Голову среди зеленых гор Земплени-Хедьшег, сердце где-нибудь в Трансильвании, правую ладонь — в Черной-Горе, левую — в Спишской-Беле, зрение — на Буковине, обоняние — в Рашинари, сознание, может, где-то здесь... Так я думаю этой ночью, когда в темноте шумит вода и оттепель отмывает землю от белых пятен снега. Я вспоминаю те давние времена, когда очень многие пускались в путь, твердя, как заклинание, названия далеких городов: Париж, Лондон, Берлин, Нью-Йорк, Сидней... Для меня они были лишь красными или черными точками на карте, затерявшимися среди зеленой или голубой бесконечности. Я не умел пленяться просто звуками. Происшествия, с ними связанные, — фикция, способ занять время и разогнать скуку. В ту давнюю пору каждое далекое путешествие казалось побегом. Попахивало истерикой и отчаянием.

Как-то летом восемьдесят третьего или четвертого я доехал автостопом до Слубице и на противоположном берегу реки увидел Франкфурт. Близился вечер. Влажный серо-голубой воздух поднимался над водой. Гэдээровские высоты и заводские трубы казались угрюмыми и нереальными. Ржавое солнце, казалось, вот-вот погаснет. Все на той стороне было мертвенным и совершенно неподвижным, словно догорало после большого пожара. Только в речном запахе еще чудилось что-то человеческое — тление, разложение, рыбий ил, — но я не сомневался, что там, на другом берегу, этот запах внезапно исчезал. Во всяком случае, я вернулся обратно и в тот же вечер снова стоял на шоссе, чтобы отправиться восвояси, на восток.

Как собака — обнюхал чужую территорию и пошел своей дорогой.

Заграничного паспорта у меня тогда, конечно, не было, да мне и в голову не приходило его выправить. Сочетание двух слов: «свобода» и «паспорт» — звучало довольно красиво, но совершенно неубедительно. Определенность понятия «паспорт» не гармонировала со «свободой», которая казалась отрицанием определенности. Не исключено, что где-то в окрестностях Гожува мои мысли сложились во фразу наподобие: «Свобода или есть, или ее нет, и всё». Просто мне моей страны хватало, поскольку меня не интересовали ее границы. Я жил внутри нее, в глубине, и эта глубина перемещалась вместе со мной. Я не предъявлял к пространству никаких требований, ничего от него не ожидал. Выходил из дома до восхода солнца, чтобы успеть на желто-голубую электричку до Жирардува. Она отправлялась с Восточного вокзала, проезжала центр, за окнами разматывались золотые и серебряные ленточки огней. В вагоне становилось теснее. На мужчинах заношенные пиджаки. Большинство выходили в Урсусе и двигались на свет — к ледяному сиянию завода. Десятки, сотни темных фигур, едва различимых во мраке, и только за воротами их охватывало ртутное свечение, словно они входили в гигантский костел. Я оставался почти один. Пассажиры снова начинало прибывать где-то ближе к Милянунеку, в Гродзиске, но среди них уже преобладали женщины, потому что Жирардув — это текстильная промышленность, шитье, тканье и все такое. Черный табак, кисловатый душок бутербродов из папок на молнии, отдающих клеенкой, аромат дешевых духов и мыла. Ночь отрывалась от земли, и сквозь расширяющиеся щели дня уже можно было заметить будки путевых обходчиков и их самих, стоящих по стойке смирно, выставив напоказ оранжевые флажки, коров по брюхо в тумане и последние забытые огни в домах. Жирардув — красный и кирпичный. Выходил я вместе со всеми. Человек в общем-то праздный, я делал это из уважения к тем, кому приходится вставать ни свет ни заря, ибо без них мир так и остался бы игрой красок или метеодрамой. Я выпивал стакан крепкого чая в привокзальном буфете и ехал обратно, чтобы через день-два снова отправиться в путь на север или восток без видимой цели. Как-то летом проехал 72 часа без перерыва. Поддерживал беседу с водителями грузовиков. Их слова заполняли кабину, складываясь в гигантские замедленные монологи, текущие откуда-то из пространства, — так действовали усталость и бессонница. Пейзаж за окном то приближался, то отступал, пока не застыл, замер, словно время решило, наконец, сдаться. Рассвет где-нибудь в Пуцке на

обочине шоссе, полоса перистых облаков над Пуцкой бухтой, выскользнувшее из-под них светлое острие забрезжившего дня и холодный запах моря, пронизанный скрипучим криком чаек. Кажется, я добрался тогда до самого берега и проспал несколько часов где-то у дороги, потом подъехал пикап и водитель сказал, что едет через всю страну на юг, и это было в сто раз интереснее, чем скука приливов и отливов, — итак, я вскочил в кузов и, завернувшись в одеяло, задремал под хлопающим брезентом. В полусне мне являлись минувшие пейзажи попеременно с фантазмагориями, будто я наблюдал то, что видит кто-то другой. Варшаву проскочили незаметно, словно чужой город, и мое сердце даже не дрогнуло. На зубах скрипела пыль, поднимавшаяся с дощатого пола. Я пересекал страну, как незнакомый материк. Terra incognita между Радомом и Сандомиром. Небо, деревья, дома, земля — все это могло быть где угодно. Я перемещался в пространстве, у которого не было никакой истории, никакой судьбы, никаких достойных памяти свершений. Где-то у подножия Пепшовых гор я был первым человеком, и все здесь начиналось с меня. Время сдвигалось с места, а вещи и пейзажи начинали стареть лишь тогда, когда я касался их взглядом. За Тарнобжегом я постучал по кабине. Меня так поразили размеры серного карьера, что я решил выйти. Гигантские экскаваторы стояли на дне пропасти. Мне было все равно, откуда они взялись. Я был волен представить, что они упали с неба, чтобы вгрызться в землю, пробить ее, прокопать насквозь до самой изнанки, и тогда через эту огромную скважину хлынул бы сюда поток, и безмерность вод затопила бы все, а с той стороны осталась бы пустыня. Адовы испарения поднимались над этим местом, но я не мог оторвать глаз от чудовищной ямы, чья мертвенность наводила на мысль о могиле, свалке тел, об inferнальном холоде. Внизу царила полная неподвижность. Наверное, было воскресенье, если в таких местах вообще действителен календарь. И вообще это была не Польша, эта вереница картин, это была не страна, а повод. Очень возможно, что человек осознает свое существование только тогда, когда чувствует кожей прикосновение безымянного пространства, которое соединяет нас с древнейшим временем, со всеми умершими, с началом истории, когда сознание только отделялось от мира и не ощущало еще своего сиротства. Высовываешь руку из окна грузовика, и между пальцами течет древность. Да, это была не Польша, это было первобытное одиночество. Это могло быть где угодно — в Томбукту или на Кейп-Код. Справа Бараново, «жемчужина Ренессанса», — проезжал мимо, наверное, раз десять, но ни разу мне не пришло в голову задержаться ненадолго и посмотреть на него. Меня устраивало любое место, ибо я покидал его без сожаления. Оно могло и вовсе никак не

называться. Беспрестанные расходы, непрерывные потери, неслыханное расточительство, бесконечный бал, сплошные россыпи, транжирство, накопления нет и в помине. Утром море, вечером лес на берегу Сана, мужики над пивными кружками в деревенской пивной, — как фантомы, замершие на месте при виде меня. Так они мне запомнились, но, вполне возможно, все это было на год раньше или позже, где-нибудь в деревне под Легницей или на сорок километров северо-восточнее Седльце. Мы жгли костер, а из ночного мрака выныривали деревенские парни, которые, наверное, первый раз в жизни видели чужих. Мы казались им ненастоящими, так же, как и они нам. Парни стояли, курили, поблескивая в темноте массивными пряжками ремней с головой быка или скрещенными кольтами. В конце концов они садились рядом, но разговор имел привкус галлюцинации, не помогало даже вино, которое они принесли с собой. На рассвете они встали и ушли. Кажется, через день-два после этого я десять часов простоял в Злочеве, и ничего. Помню плетень и каменные перила мостика, хотя в плетне я не совсем уверен, он мог быть где-то и в другом месте, как почти все, что остается в памяти, — раз я это запомнил, значит, вырвал из окружения и навсегда сделал частью своей собственной карты, собственной фантастической географии.

А однажды я ехал в Познань в открытом кузове «Стара». Водитель крикнул: «Прыгай, только осторожно, там рыба!» Я лежал среди целлофановых мешков с водой. Внутри плавали рыбки размером с ноготь. Сотни, тысячи рыбок. Вода было очень холодная, и мне пришлось закутаться в одеяло. Во Вжесне рыбам надо было поворачивать на Гнезно, и я остался один на пустом шоссе. Светало. Солнце еще не взошло, и было холодно. Не исключено, что через Познань я ехал во Вроцлав. Скорее всего затем, чтобы через день-два отправиться к морю или в Бещады. В последнем случае где-то в лесу у реки Ославы я увидел голого мужчину. Он стоял в реке и мылся. Заметив меня, он просто повернулся спиной. А если все-таки я ехал к морю, то, кажется, в Ястшембью-Гуру, и был вечер, пустой пляж, я шел босиком по направлению к Карвии, когда на фоне пунцового неба показался черный мегалит Стоунхеджа. Мне было негде заночевать, и эти руины стали подарком судьбы. Они были сделаны из досок, фанеры и толстого холста. В то время такие вещи случались. Кто-то это построил и оставил — наверное, телевидение. Через дыру я вполз внутрь одного из муляжей и заснул.

СЛОВАЦКАЯ ДВУХСОТКА

Лучшая карта, какая у меня есть, — это словацкая двухсотка. Она настолько подробна, что как-то раз с ее помощью я выпутался из бескрайних кукурузных полей где-то у подножия Земплени-Хедышег. На огромном листе, где помещается вся страна, обозначены даже полевые тропинки. Карта порвана, обтрепана по краям. Местами сквозь плоскую проекцию земного рельефа и немногочисленных здесь водных источников проглядывает небытие. Я всегда беру ее с собой, хотя она неудобная и занимает много места. В этом есть что-то от магии, ведь дорогу до Кошице и дальше до Шаторальяуйхей я знаю почти наизусть. Но все равно ношу карту с собой, потому что меня занимает ее обветшание, ее распад. Сначала она протерлась на сгибах. Разрывы и складки сложились в новую сетку, гораздо более выразительную, чем тонкие голубые линии прежней сетки координат. Города и села постепенно перестают существовать, изнашиваются от того, что карту бесконечно сворачивают и разворачивают, засовывают то в рюкзак, то в багажник. Исчезают Михаловце, исчезает Стропков, дырявое небытие подбирается к предместью Ужгорода. Скоро исчезнет Гуменне, сотрется Вранов-над-Топлеу, истлеет Циганд на берегу Тисы. Собственно говоря, я начал обращать внимание на карты только в последние несколько лет. Раньше я относился к ним, как, скажем, к украшению или устаревшим условным картинкам, которые уже отжили свой век в эпоху факта и прямых, в лоб, репортажей из самых отдаленных уголков планеты. Все началось с войны на Балканах. У нас все начинается с войны или войной заканчивается, поэтому ничего удивительного. Мне просто захотелось узнать, на что наводят орудия и что видят летчики с самолетов. Схематические изображения в газетах выглядят слишком красиво и слишком стерильно: название местности, а рядом стилизованная вспышка взрыва. Ни тебе рек, ни рельефа местности, ни топографии, ни природы, ни цивилизации — ничего, только название и взрыв. Я хотел найти Воеводину, потому что она ближе всего к нам. Война всегда возбуждает мальчиков, даже если внушает им ужас. Красные вспышки вдоль Дуная: Белград, Батайница, Нови-Сад, Вуковар, Сомбор — двадцать километров от венгерской границы и всего сорок пять от моего дома. Только настоящая карта заставит вас прислушиваться к далекому эху. Ни телевидение, ни газета не в состоянии передать конкретность расстояния.

Может, поэтому обветшание моей словацкой карты сразу наводит меня на мысль об уничтожении вообще. В местах красных вспышек вдоль Дуная бумага начинает тлеть, огонь из Воеводины, огонь из Баната разливается по Среднедунайской

равнине, охватывает Трансильванию и в конце концов перекидывается через Карпаты.

Все это исчезнет, перегорит, как лампочка, в которой остается только шарик вакуума. Пустоту заполнят какие-то новые формы, но мне они не особенно интересны, поскольку это будут все более низкопробные варианты: повседневность, прикидывающаяся праздником, бедность, притворяющаяся богатством, карнавальный мусор, разрастание помоек, пластик, который служит недолго, зато как отброс и содержимое свалок он почти вечен, его уничтожит только огонь, другие стихии перед ним бессильны. Такие мысли приходили мне в голову, когда мы ехали мимо Леордени, Вишеу-де-Жос, Вишеу-де-Сус в направлении перевала Прислоп. На шоссе почти не было машин, зато людей все прибывало. Они стояли, сидели, шагали, прилично одетые и принаряженные. Выйдя из своих деревянных домов, крытых дранкой, словно чешуей, они, точно капли воды, сливались в ручейки, и в конце текли широким потоком по обочинам дороги, по асфальту, по дну долины. Белые рубашки, темные платья и пиджаки, шляпы и платки. Сквозь приоткрытые окна автомобиля до нас долетал запах нафталина, праздника и дешевых духов. В Вишеу-де-Сус стало так тесно, что мы почти остановились, а толпа все двигалась с обеих сторон. Мы стояли на месте, но путешествие продолжалось. Праздничная толча вбирала нас в себя, мы будто плыли против течения времени. Никто ничего не продавал и не покупал. Во всяком случае, мы этого не видели. Вдали высилась бурая громада Пьетросуля. На вершине лежал снег. Был третий день православной Пасхи, и праздник означал легкий паралич материи. Человеческие тела уступали закону всемирного тяготения, словно хотели вернуться в исходное состояние, когда дух еще не был лишен свободы, не метался, не пытался слепить себе неповоротливой оболочки, довольно-таки жалкого подобия.

За Моисеем мы остановились. На пустыре у шоссе сидели четверо деревенских стариков. Они показывали нам куда-то руками, вперед, на далекий лесистый склон. Мы догадались, что там монастырь. Среди деревьев виднелась верхняя часть башни. Старики просто сидели и смотрели в ту сторону, словно это могло заменить им участие в пасхальной литургии. Им хотелось, чтобы мы туда пошли. Но нам нужно было торопиться. Они остались неподвижно полулежать, вглядываясь и вслушиваясь. Не исключено, что они ждали, когда раздастся колокольный звон, когда что-то шевельнется в застывшем пространстве праздника.

Все это должно исчезнуть. Ночью на главной улице города Гура-Хуморулуй пятнадцатилетние мальчишки пытались продать нам немецкие автомобильные номера, уверяя, что те сняты с BMW. Все должно пропасть, слиться с окружающим миром. Да, в первый день в Румынии на меня низошла вся печаль континента. Повсюду я замечал следы упадка, а возрождение невозможно было себе представить. На бензозаправке в Кымпулунге хозяин носил с собой пистолет в кобуре. Этот человек вынырнул откуда-то из полумрака и жестами показал, что для нас у него ничего нет. Зато в километре от того места мы увидели еще одну станцию, сиявшую огнями среди первобытной ночи. И здесь было все, а заправочные пистолеты торчали из горлышек бутылок от кока-колы. Подходили мужчины с одной или двумя бутылками, а потом исчезали в темноте, ища свои автомобили.

Марамуреш остался за спиной. Как и покрытый ледяной коркой снежный перевал, и смуглый мужчина в старом «ауди» с немецкими номерами. Он открыл багажник и вынул из него детский мотоцикл — уменьшенную копию какого-нибудь «Сузуки» или «Кавасаки», посадил на него малыша и щелкал фотку за фоткой. Через перевал дул ледяной ветер, и мы были совсем одни. Никого и ничего — только холодная прекрасная пустота, солнце катилось куда-то за болота между Кареем и Сату-Маре, я слышал треск затвора, у мальчика было серьезное лицо, щеки его пылали, потом отец убрал мотоцикл, и они поехали вниз, на запад, наверное домой. Мы тоже тронулись в путь, потому что в этом заоблачном, забытом Богом месте коченели руки и горели щеки. Дорога вилась серпантином, мы опускались в долину Бистрицы, вглубь темнеющего воздуха.

Теперь я вижу, как мало мне удалось сохранить в памяти, почти все это могло случиться и в другом месте. Путешествие из страны короля Убю в страну вампира Дракулы не может оставить воспоминаний, в которые потом можно поверить, как мы верим, например, в Париж, Стоунхедж или площадь св. Марка. В конце концов Сигету-Мармацией больше всего был похож на сон. Мы пересекли его быстро, без остановок, и мне нечего сказать о нем кроме того, что он смахивал на изоощренную фантазию. Во всяком случае, мы проскочили его очень быстро, на горизонте вновь встали зеленые горы, а меня сразу охватила грусть и тоска. Так бывает, когда после пробуждения нас мучает желание вернуться к онирической конфабуляции, которая лишает человека свободы воли, давая взамен полную свободу непредсказуемости. Так происходит в тех местах, по которым редко скользит взгляд чужака, взгляд пришельца. Взгляд разглаживает вещи и пейзажи. Именно с

этой стороны надо ждать уничтожения и распада. Мир износится и сотрется, как старая карта, от избытка взглядов.

Мы въезжали в округ Синистра. Все в этих горах принадлежало вооруженным людям, полковнику Пуйу Боркану, а после его смерти Изольде Мавродин-Махмудии, коротко Коке, тоже в ранге полковника. С перевала Баба-Ротунда открывался вид на гору Поп-Иван, внизу по узкоколейке ползли паровозы, работавшие на дровах. Жители Синистры носили армейские бронежилеты. Каждый приезжий, который задержался здесь подольше, получал новое имя. Кока время от времени устраивала у горы Поп-Иван засады на Мустафу Муккермана, который возил на грузовике баранину откуда-то с Украины аж в Салоники, а может, даже на Родос, но кроме баранины ему случалось перевозить в своем рефрижераторе и тепло одетых людей. Польские «товарищи» информировали Коку о планах Муккермана — трехсоткилограммового полу-турка, полу-немца. В этих местах сушеные грибы вымачивали в разведенном денатурате, его и пили, смешав с забродившим соком лесных плодов и ягод. Матовое стекло для местной тюрьмы делал у себя в мастерской Габриэль Дунка — он клал лист стекла в ящик с песком и топтался по нему долгими часами. Дунка был 37-летний карлик. Однажды, в дождливый день, он взял в свой грузовичок голую Эльвиру Спиридон и первый раз в жизни почувствовал запах женского тела, но лояльность победила желание, и он донес на нее, ибо она точно так же могла сесть в грузовик Муккермана и не сделала этого лишь по чистой случайности.

Вот что должно было происходить за Сигету-Мармацией, и наверняка происходило. Но я узнал об этом два года спустя, из книги «Уезд Синистра» Адама Бодора, которая преследует меня до сих пор. Преследует и заслоняет двухмерное пространство карты. Вновь картинка бледнеет перед рассказом. Бледнеет, но не исчезает совсем. Лишь теряет выразительность, частично утрачивая свою несносную очевидность. Это свойство стран вспомогательных, наций второго ряда и народов со скамейки запасных: мерцание, двойной, тройной вымысел, кривое зеркало, волшебный фонарь, фата-моргана, фантастика и фантазмагория, которая милосердно проскальзывает между тем, что есть, и тем, как должно быть. Это та самоирония, которая позволяет играть со своей судьбой, дразнить ее, передразнивать, превращать упадок в героико-комическую легенду, а выдумку в нечто вроде спасения.

Там, где мы в конце концов остановились на ночлег, не было воды. Хозяин, светя фонариком, вел нас по холодным

коридорам. Объяснял, что насос сломался, а механик уже третью неделю едет то ли из Сучавы, то ли из Ясс. Объяснял, что здешний жилец — чужак, приехал с дальней стороны и, чтобы справиться с одиночеством, пьет местную дешевую водку, поэтому запустил дом, но механик, наверное, скоро придет.

Было холодно. Мы легли спать одетые, погасили свет, и через окно к нам вошла румынская ночь. Я пытался заснуть, но вместо того, чтобы отдаться течению времени и сна, мысленно продолжал плыть против течения одного долгого дня, когда мы пересекали границу в Петеа. Посреди знойной равнины стояли черные сторожевые башни. Вскоре началось Сату-Маре со стенами, крошащимися от старости и жары, с тенями огромных деревьев вдоль тротуаров и куполами церквей в длинных зеленых перспективах улиц. Венгрия же осталась позади, позади осталась печаль низин Эрдухата, и, хотя с другой стороны границы все оставалось таким же плоским, я ясно чувствовал перемену, какой-то другой вкус воздуха, и сияние неба с каждым километром становилось все более беспощадным. Далекая тень Карпат на горизонте замыкала этот яркий свет, ограничивала его, и мы ехали в густой лучезарной взвеси. По шоссе катились конные повозки. Тела животных лоснились от пота. Автомобиль старинного образца вез на крыше груды мешков, набитых овечьей шерстью. Смуглые тела людей блестели. Дул ветер. Может быть, поэтому их дома казались такими бедными и непрочными на большой равнине.

Я лежал в холодной комнате и вспоминал все это — так же, как теперь лежу и вспоминаю ту холодную комнату и утро, когда, встав и выйдя во двор, я увидел, что ночью были заморозки и теперь их следы таяли в солнечных пятнах. Люди с ведрами шли к колодцу и наблюдали за мной, делая вид, что не смотрят в мою сторону, что заняты своими делами, что их слепит свет начинающегося дня. Сейчас, вспоминая все это, я понимаю, что именно там могло начинаться действие какого-нибудь рассказа. Например: «В тот день, когда я видел отца в последний раз, потому что трое неизвестных посадили его в машину и увезли куда-то, — в тот день я коснулся груди Одри Ноприц». Или: «В тот день Гизелла Вейш отправилась в путь под всеобщее одобрение окружающих. Даже сам великий товарищ Онага заглянул ей в глаза и произнес: „Вот это я понимаю. У вас, товарищ, прекрасные намерения и похвальные планы”». Ну, стало быть, в тот день, в то утро, мог появиться мужчина, который испортил насос. Он мог прийти по узкой деревенской улочке, бегущей вдоль дощатых заборов, и спросить, а что я, собственно, делаю тут, у его дома. Опухший, с красными глазами, в помятой одежде, этакий буковинский

Джеффри Фермин, он мог бы, небрежно опершись о штакетник, строго спросить, кой черт принес меня сюда, в эту, допустим Пыртештий-де-Жос или Пыртештий-де-Сус, в его дом, чтобы застать его в таком виде в шесть тридцать утра, на глазах соседей, выглядывающих из-за плетней: онемеченных поляков, румынских немцев, польских украинцев — всей этой приграничной мешанины, этого золотого сна приверженцев культа мультикульти... Ну, стало быть, мог бы начаться какой-то циничный монолог или нервный диалог, он мог бы начаться с позвякивания ведер у колодцев, со всех этих утренних звуков, которые свойственны забытым местам, — с кудахтанья кур, ударов топора по поленьям, стука копыт, похлопывания по коровьим задкам, а в шесть тридцать пять по дну долины прокатил бы проржавевший пассажирский до Сучавы. Это могло бы стать хорошим началом и продолжением повествования и судьбы, путешествием вглубь времени, где события приобретают блеск по мере удаления от сегодняшнего дня. Но человек, сломавший насос, не пришел, и его жизнь осталась в сфере домыслов, то есть полной свободы.

А я подошел к реальному мужчине, который спокойно стоял у себя за забором и курил. Мы разговорились. Пассажирский до Сучавы и в самом деле прогрохотал по дну долины. Мой собеседник был грузным человеком лет шестидесяти, одетым в застиранный диагоналевый костюм. Он ничем не отличался от всех мужчин, которых я видел в своей жизни. Дым его сигареты синел, потом серел и исчезал. Был он словоохотлив. Я слушал и поддакивал. Он говорил, что сейчас плохо, при Чаушеску было лучше, тогда была справедливость, поскольку было равенство, была работа и порядок на улицах. Старая история, но я снова слушал ее, затаив дыхание, — есть что-то пленительное в том, что ты уезжаешь так далеко от дома, а так мало меняется. Он рассказывал о ночных визитах «секуритате» и без перехода о фабриках, которые сейчас закрывают. Я спросил, что он знает о тех знаменитых переселениях, когда семь тысяч деревень должны были исчезнуть, а жители переселиться в бетонные многоэтажки. Да, он знал, видел даже самолеты, с которых фотографировали местность, чтобы лучше распланировать все мероприятия, но за справедливость — то есть за равенство — можно заплатить любую цену. Поэтому я замолчал, а что мне оставалось, если я появился здесь, у этого забора, как живое воплощение неравенства, приехал и уехал, когда вздумается, а этот старый человек в заношенной одежде, с дешевой сигаретой, догорающей в руке, останется тут, на разбитой дороге между красивыми деревянными домами, которым под сто лет и которые сохранились по прихоти судьбы, несмотря на то что их

обитатели не особенно к этому стремились. Я больше не поддерживал разговор. Слушал о его тоске по диктатору. Власть кто-то должен олицетворять, и, когда она уже воплощается в реальной фигуре, та оказывается вне добра и зла. Все мы осиротевшие дети какого-нибудь кесаря или диктатора. Я угостил мужчину «Собескими super light». Солнце поднималось над зеленой линией гор, а я чувствовал, что моя свобода передвижения ни черта тут не значит и грош ей цена.

Мы попрощались, и я пошел за ведром, чтобы набрать воды из колодца.

Ночь, идет дождь, и я вспоминаю все это, Бог знает который раз. Адам Бодор и Синистра накладываются, как калька, на реальный Марамуреш и Буковину, а сверху на них ложится живая, просвечивающаяся материя моих мыслей, моей любви и моего страха. Просто Синистра не дает мне спать. На полке стоит «История Украины» рядом с «Историей Болгарии», «Историей Венгрии», множество историй и историек поменьше, включая «Историю Словакии» и «Румын» Элиаде, но толку от этого нет. Я читаю их перед сном, и в конце концов засыпаю, но мне еще ни разу не приснился ни Янош Хуньяди, ни император Фердинанд, ни Василе Николае Урсу, которого звали Хорией, ни Влад III Дракула, ни ксендз Глинка, ни Тарас Шевченко. Самое большее, приснится некий весьма загадочный уезд Синистра. Какие-то мундиры несуществующих армий и минувшие войны, в которых никто не умирает по-настоящему. Мне снятся белые известковые руины и усатые стражи границ, пересечение которых меняет всё и в то же время не меняет ничего. Снятся мне банкноты с изображениями героев с одной стороны и видами романтических окраин с другой. И монеты тоже снятся. И коробки от папирос, которых я никогда не курил. Мне снятся бензоколонки на равнинах — все, как одна, похожие на ту, в предместье словенского Ново-Места — и снится мне red bull с надписью: «...špeciálne vyvinutý pre obdobie zvýšenej psychickej alebo fyzickej namahy». Мне снятся тронутые тлением сторожевые башни на пустырях и велосипедисты на своих проржавевших машинах посреди холмистого пейзажа, они катят от поселка к поселку, названия которых произносятся по крайней мере на трех языках, снятся мне конные упряжки и люди, и еда, и гибриды ландшафтов, и все остальное.

Да, дождь льет на все эти места, на Марамуреш, на сны, на Синистру, льет на Спишске-Подградье в тот день, пятницу 21 июля, когда мы остановились у реки Моргечанки, на стоянке, где была грязь непролазная. Одноэтажная застройка тянулась

вдоль единственной здесь улицы. Мы пошли вперед по узкому тротуару. Увидели желтую синагогу. Ее фронтон венчали четыре круглых металлических купола. Арочные окна были темны и мертвы. Они напоминали окна фабрик, которые строили в XIX веке. В просвете между синагогой и домами виднелись холмы и далекие башни Спишской Капитулы. Над городком возвышались руины белого замка. Он был такой большой и белый, что казался каким-то метеорологическим курьезом, угловатым скоплением кучевых облаков или миражом, перенесенным сюда из страны, которой давно уже нет. Проехал автомобиль, потом другой и все затихло. Серый зад «Шкоды» исчезал в зеленой тени деревьев, а на самом деле исчезал во времени. Машина двигалась по тоннелю, прорытому в неподвижности. Шоссе пробивалось через городок как сквозь недра горы, глухомань, чужую территорию, которая милостиво дала свое согласие на транзит. Из низкого домишки на повороте вышла толстая смуглая женщина, плеснула обмылками на асфальт и смыла все следы от автомобилей. В нескольких шагах от нее в открытом низком оконце была видна большая комната. Кто-то затеял там стройку и бросил. Через все помещение тянулась недоделанная кирпичная стена. Где-то в глубине работал телевизор. Голубые отсветы загорались и гасли в полумраке. У новой стены стоял бильярдный стол. Несколько шаров раскатились по столу и остались так лежать. Было слишком темно, их цвет я не сумел определить. Только чувствовал запах мокрой извести и гнили. Откуда-то из-за стены, из темноты, перекрывая болтовню телевизора, доносились возбужденные мужские голоса. Потом я увидел этих мужчин в узком просвете между домами. Они препирались, стоя над перевернутой вверх дном тележкой. Один крутил обод колеса со спицами, а другой качал головой и размахивал руками, мол, он никуда не годится, металлолом, и придется все переделывать. Оба были смуглы, коренасты и подвижны, словно их тела не чувствовали неподвижности вокруг, словно пребывали в ином пространстве, в невесомости. Наверное, так оно и было. Эти люди жили в старом еврейском квартале, на окраине словацкого местечка у подножия венгерского замка, и, чтобы существовать, чтобы не исчезнуть, им пришлось выработать какие-то свои принципы, своеобразную теорию относительности, закон притяжения, который должен удерживать их на поверхности земли и не дать сгинуть в пустоте космоса, в бездне забвения.

Мы вернулись к машине и поехали дальше. Толстуха снова вынесла из дома полный таз обмылков. Моргечанка текла внизу справа. Слева высилась вершина Древеника. За городом на склоне, на сооруженных там террасах, стояли их дома. Не

чужие, не старые, оставшиеся от кого-то, а их собственные. Они были похожи на детские рисунки — такие простые, маленькие и беззащитные. Скорее идеи, которые только начали материализовываться. Стены были сделаны из едва очищенного от коры соснового кругляка, почти жердей, не толще мужской руки, венчали их двухскатные смолистые крыши. Все, что можно было делать в этих скромных жилищах, — сидеть и переживать время от одного события до другого. Они льнули друг к другу, карабкались один на другой, сбивались в кучу наподобие деревянного пуэбло. Из тонких труб тянулся смолистый дым. Раскардаш дворов, склад старья, живая клубящаяся субстанция вещей, на поверхностный взгляд мертвых и отработавших свой век, покрывали землю как постиндустриальная растительность. То ли эти люди только что приехали, то ли им надо было отправляться в путь. Внизу, у тенистой дороги, играли дети. Взрослые стояли и обсуждали свои дела, а может — чужих, которые изредка проезжали мимо. Здесь все принадлежало им. Я и представить себе не мог, что пространство можно так явно и бесповоротно присвоить, не причинив ему при этом никакого вреда. Поодаль в полном одиночестве стояла девушка в красном платье. Мне показалось, что она была необыкновенно красива. Она смотрела куда-то вбок, в сторону, где ничего не происходило. Я видел ее одно мгновение, а потом красная искорка исчезла в зеркале заднего вида.

Переввод Марины Курганской

НА КРАЙ СВЕТА С АНДЖЕЕМ СТАСЮКОМ

Наша первая встреча произошла в Молдавии почти два года назад. Анджей Стасюк приехал сюда вместе с женой Моникой Шнайдерман, директором издательства «Чарне», которое специализируется на авторах из Центральной и Восточной Европы. На самом деле Анджей Стасюк был приглашен в Румынию по поводу издания двух своих книг на румынском языке. От Бухареста до Кишинева — одна ночь на поезде. К тому же писателя настойчиво приглашал посол Польши в Кишиневе Петр Мартиняк, личность незаурядная в своем неутомимом желании показывать польскую культуру в Молдавии и налаживать польско-молдавские связи.

Итак, Кишинев, комнаты в польском консульстве, встречи с молдавскими писателями и поэтами, знакомство с представителями польской диаспоры...

Но Анджей Стасюк не был бы Анджеем Стасюком, если бы ему этого было достаточно.

На севере Молдавии живут цыгане, есть целый городок — Сороки, жители которого выступили несколько лет назад с предложением сделать здесь столицу цыганской республики. Анджей Стасюк отправился туда. Умудрился подружиться со многими представителями этого необычного народа. Остался в полном восхищении от мировоззрения молдавских цыган и их умения построить себе такую жизнь, какая им нравится.

Приднестровье. Регион, куда заглядывает ради интереса далеко не каждый иностранец, да и не каждый житель Молдавии, живущий на другой стороне Днестра. Приднестровский режим до боли напоминает советские времена. Границы охраняются от любых нежеланных гостей. Однако ему удалось. Он побывал во всех крупных приднестровских городах.

На юге Молдавии живет другой удивительный народ — турецкого происхождения, но православной веры. Гагаузы. Конечно, Стасюк доехал и до этой добела раскаленной летом части Молдавии.

Свое путешествие он описал в книге, изданной в конце прошлого года, — «По дороге в Бабадаг», став единственным современным

польским писателем, который уделит внимание теме маленькой и странной Молдавии.

Я спросила его тогда, во время нашей первой встречи, что вызвало его интерес.

— Люди в Молдавии, в общем-то, не знают, кто они. Для писателя это важное и интересное открытие. Я увидел страну, которая обрела свою независимость 12 лет назад и еще недостаточно сильна и независима, я встретил людей, которые сочетают в себе славянское и романское происхождение и часто затрудняются определить, к какому народу они относятся. Я увидел сочетание влияний Востока и Запада, инерцию, характерную для развития бывших социалистических республик, и одновременно попытки построить общество на современной основе. Часть молодых людей здесь сознательно стремится быть современными европейцами, но их не много, это скорее элита... Большинство же людей находится в поисках того, какими и кем им быть. Мы проехали практически через всю Молдавию, останавливались и разговаривали с людьми. Чаще всего мы сталкивались с теми, кто с горечью отмечал экономические трудности, нужду, чувство своей ненужности, ощущение себя где-то на обочине Европы. Но эта страна, на мой взгляд, замечательна для людей интеллектуальных, поскольку здесь взаимодействуют различные культуры, этносы и цивилизации. Она разительно отличается от тех стран, которые на протяжении веков четко знали свое место в истории и культуре Европы — как, к примеру, Англия или Франция. В тех странах все развивается уже давно по инерции, и они не удивляют, не поражают воображение, как страны, которые развиваются, борются, чувствуют себя в чем-то проклятыми, но при этом именно там есть вдохновение и энергия. Поэтому я и люблю эту часть Европы — не исследованную до конца, непонятую.

Следующая наша встреча с Анджеем Стасюком состоялась уже в Польше. Писатель живет в маленьком селе Воловец почти на границе Польши со Словакией. Мы договорились встретиться в Горлицах. Была зима, и добраться до его дома без машины было практически невозможно. Обледеная автобусная остановка в Горлицах, довольно поздний вечер. К счастью, он появляется вовремя. Высокая фигура, энергичная походка, выразительный смех. Стасюка можно узнать даже в кромешной темноте.

Вместе с ним приехала Моника. В их доме часто кто-то гостит, они уже привыкли. Чувствую себя, однако, неловко, но это чувство моментально проходит, когда мы садимся в машину и едем куда-то во мглу навстречу летящей пурге.

Стасюк весело говорит: «Завезу тебя на край света. Это потрясающее место, увидишь!» По дороге мы встречаем перевернувшуюся машину. Оказалось, соседка Стасюка. Отделалась легкими ушибами.

«Здесь это часто случается, — говорит он. — Мы тоже попадали в аварии. Тут жизнь зимой суровая, надо быть всегда настороже».

Подъезжаем. На взгорье стоит уютно освещенный большой дом. Навстречу нам выбегает огромный пес. «Это Сибирь!» — говорит Стасюк.

Как захватывает дух от открытого горизонта и ясного вида гор, я узнаю только на следующий день. А пока я вхожу в дом, в котором, что неудивительно, конечно, — огромное количество книг. Деревянные полки с книгами тянутся на всю ширину и высоту стен. Дом двухэтажный. Услышав наши голоса, сверху кубарем сваливаются трое котят-подростков и замирают, затормозив на полу когтями, когда видят Стасюка. «Так, теперь дисциплина! Я собираюсь работать», — говорит он им строго.

Дом, в котором живет писатель, наверное, всегда подчинен его распорядку.

Мы договариваемся утром поехать в Криницу. Но с утра — сильная пурга. В доме тихо. Я тоже соблюдаю тишину и не выхожу из своей комнаты. Меня поселили в комнату для гостей, под самой крышей, с потрясающим видом на горы. На столе, на полу и на полках — огромное количество книг и литературно-исторических журналов. Я углубляюсь в чтение, открыв для себя, как способствует этому абсолютная тишина. В мою комнату, осторожно цокая коготками, входят котята. И начинают бесшумную борьбу, не обращая на меня никакого внимания.

Скоро внизу хлопает дверь. Это пришла Моника и их 13-летняя дочь Тося (Антонина). Как оказалось, они тихонько выбрались с утра покататься на лыжах. «Здесь всегда встаешь рано», — говорит Моника.

Вопрос, который я хотела задать Анджею Стасюку по дороге из Горлиц в его село, уже не кажется мне важным. Однако я все же спрашиваю его, как он, урожденный варшавянин, отважился поселиться в деревне, маленькой и далекой от цивилизации. Я знаю, что вначале они жили в деревне Чарне (Черное), где всего несколько домов. Когда они создали свое издательство, то не стали долго думать над названием. Так и называли — издательство «Чарне». Однако из этого места пришлось уехать.

В Воловце, несмотря на то, что здесь всего 13 домов, есть практически все необходимые блага цивилизации. Есть Интернет — конечно, когда не вмешиваются силы природы. С телефонной связью бывают затруднения, но связь есть. Покупки можно сделать в нескольких соседних деревнях побольше. Но все же... Люди обычно, наоборот, стремятся вырваться в город. Отвечая на мой вопрос, Стасюк иронизирует:

— Молодые люди часто уезжают из сел исключительно под влиянием телевидения — к примеру, программ МТВ. Они хотят быть европейцами, похожими на своих героев, которых видят по телевизору. Кепки козырьком на затылок, широкие, волочащиеся по земле штаны... Они уезжают для того, чтобы стать кем-то другим — европейцами или гражданами мира, они точно сами не знают. Если они хотят, пусть едут. Мир так устроен, что всегда будет существовать эмиграция и все больше людей будет стремиться куда-то уехать, чтобы изменить свою жизнь. Им кажется, что их отъезд все изменит, все повернет к лучшему, но это не всегда бывает так. В эмиграции, в другой стране, люди часто чувствуют себя одинокими и никому не нужными.

Почему я уехал? Я свободный человек. Я хотел жить в горах и уехал в горы. Но на меня подействовали не красочные картинки в телевизоре, нет, впечатление на меня в детстве и юности произвел горный пейзаж. Я жил в Варшаве, но увидел горы и сказал себе: горы — это то, что мне надо. И сделал все, чтобы уехать.

Потом он умолкает. И остается неразговорчивым во время всего пути, пока мы не подъезжаем к Кринице. По дороге мы слушаем музыку — балканские, а точнее румынско-венгерские мотивы. Он отмечает, что эта музыка его восхищает. Мы в Кринице. День стоит замечательный, яркий, солнечный. Мы забираемся на подъемнике на гору и спускаемся вниз пешком. Нам с Моникой не угнаться за Стасюком. После этой прогулки он оживлен и весел. Спрашивает меня, что изменилось в Молдавии за несколько лет. Из его вопросов я понимаю, что он в курсе основных политических событий в моей стране. Но его интересует атмосфера, ощущение людей. Я замечаю, что у многих начинает появляться комплекс жителей «обочины Европы». Он резко возражает:

— Здесь не может быть повода для стыда. Из этого можно извлечь много пользы. Когда живешь на самом краю Европы, можешь видеть и понимать больше. И можешь быть более независимым. Поэтому у меня, к примеру, и возникла идея написать свою последнюю книгу, показать страны, которые живут обособленно от старой Европы. Я стал интересоваться

ими после распада Советского Союза. Меня интересовал не Запад, а страны посткоммунистического блока, которые только начинали развиваться, в которых появилось ощущение свободы. Я начал свое путешествие по этой части Европы со Словакии, потом мы поехали в Венгрию, потом в Румынию... Так все и началось. И так и возникла моя книга «По дороге в Бабадаг». Можно сказать, что причина ее появления — то, что я тоже живу на периферии. Отсюда видна совсем другая перспектива и другая Европа.

В Воловец мы возвращаемся из Криницы вечером. По дороге Анджей Стасюк показывает мне полузабытые лемковские деревни, рассказывает их историю. Видно, что эти места он любит всем сердцем.

На следующий день я уезжаю. Немного переживаю, что мне не удалось записать с ним «серьезное интервью». Он понимает, приглашает меня на кухню, где в большой кастрюле кипит под его контролем суп и работает стиральная машина. Я смотрю на него и понимаю, что на все вопросы можно найти ответы, если вспомнить наше путешествие из Горлиц в Воловец и из Воловца в Криницу. А еще, конечно, существуют его книги, где он, как и в жизни, — противоречивый, иронично-насмешливый и одновременно внимательный к знакам и деталям окружающего мира, к его красоте, которую он показывает без лишней сентиментальности, оттого она проникает в самое сердце. И из всех приготовленных вопросов я задаю ему один — о причине тишины в его доме, о его новой книге.

— Я пишу ее уже несколько месяцев, но пока не знаю, как она закончится. Пишу все о той же неисследованной Европе. Мои герои — это двое торговцев подержанными вещами. Это сейчас распространенное явление. В Польше, к примеру, даже в таком маленьком городе, как Горлице, находится около двадцати магазинов «секонд хенд». Я бы сказал, что во многих странах Центральной и Восточной Европы сегодня пользуются спросом вещи, уже бывшие в употреблении. Люди покупают подержанные машины, доставленные с Запада, одежду, которую уже кто-то носил. Я бы сказал, что в наших странах находят спрос не только подержанные вещи, но, к сожалению, и идеи. Об этом я и хочу написать роман. Я смотрю на проблему «секонд хенд» глазами двух торговцев, которые стараются расширить свой бизнес в Европе. Однажды они приходят к мысли: сколько можно торговать в маленьком городе, где только двадцать магазинов, — поедem-ка мы лучше в Румынию, к цыганам, там откроем свой бизнес. И они начинают ездить в Румынию на большом автомобиле, полном

подержанных вещей, присланных из Парижа, Лондона, Нью-Йорка. Они начинают продавать вещи и цыганам в Словакии. И пользуются огромной популярностью. На самом деле это роман о явлении многократного использования вещей и идей. Эту книгу, думаю, я буду писать долго. Для меня это интересная и вдохновляющая тема.

*Так мне удалось побывать на краю света, откуда лучше виден мир.
И где живет писатель Анджей Стасюк.*

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Я пишу после выборов (парламентских) и перед выборами (президентскими). Поэтому заглянул в вышедшую после выборов «Политику» (2005, №40), заинтересовавшись статьей Адама Кшеминского, которая посвящена откликам соседей Польши, в том числе и России, — что тем более интересно, так как российские отклики приходят после летних избиений польских журналистов и дипломатов в Москве. Текст, озаглавленный «Как они нас видят?», начинается преамбулой, где говорится:

«Польские выборы вызывают в Европе интерес, но и опасения. Берлинская газета „Тагесцайтунг“ бьет тревогу: „Польская катастрофа: антисемит, демагог и сторонник смертной казни выиграл выборы“. Хотя другие газеты, и не только немецкие, более сдержанны, однако и в них полно стереотипов на тему Польши и поляков: они, мол, русофобы, германофобы, проамериканцы, высокомерны и все время чего-то требуют. Что же, СМИ охотно пользуются стереотипами. В целом они к нам не расположены».

Игра в стереотипы стара как мир, и, быть может, было бы хорошо, если б мы сумели (как это произошло в польско-немецких отношениях) составить брошюру о стереотипах, функционирующих в польско-российском и польско-русском дискурсе. С Германией мы пока кое-как ладим. С Россией дело обстоит хуже:

«Польско-немецкие отношения куда легче, чем польско-российские. Резкие слова Путина о Квасневском, неприглашение поляков на 750 летие Калининграда, избиение в Москве, явно по приказу, польских дипломатов и журналиста — все это символ официального представления о Польше. Неофициальное формируют, с одной стороны, остатки былой массовой культуры (...) а с другой — отчеты о польских скандалах. Прошли времена, когда российские экономисты интересовались шоковой терапией Бальцеровича. Полвека назад русская интеллигенция учила польский, чтобы из „Пшекруя“ ухватить глоток Запада. Еще в 90 е гг. Валерий Мастеров, корреспондент „Московских новостей“, в течение месяца посмотрел в Варшаве 35 кинофильмов, которые не шли

в Москве. Сегодня его сын говорит, что в Варшаве идут картины, которые в Москве перестали показывать за полгода до этого. Польша давно перестала быть для русских форточкой на Запад, она провинциальна и мало привлекательна. А кроме того, все время обижается. Строит ли Россия свою новую авторитарную позицию за счет Польши?

Дмитрий Бабич, журналист российского „Профиля”, утверждает, что такого сценария нет. С польской точки зрения — есть. Замена праздника „Октябрьской революции” на праздник „изгнания поляков из Кремля” в 1612 г., затушевывание катынского дела, попытки обвинить Польшу в имперских поползновениях на Украине — всё это, по мнению Бабича, отдельные случаи, а тексты, вызывающие в Польше возмущение, печатаются в маргинальных журналах типа „Нашего современника”: „Русские не понимают, чего хотят от них поляки: мы же признали вину за Катынь”. В сегодняшней России историческое сознание остается слабым, а педагогика преодоления прошлого — неизвестной. Зачем столько говорить о Катыни, когда у нас тысячи своих Катыней... Россия находится на этапе строительства своей национальной идентичности, объясняет Бабич, как сильного государства, победившего во II Мировой войне. Запад же, в том числе и Польша, хотят показать, что Россия проиграла в „холодной войне”. Более верно — и это могло бы нас соединить — было бы рассматривать 1991 г. не как поражение СССР в „холодной войне”, а как освобождение России от коммунизма.

Корреспондент «МН» Валерий Мастеров говорит: „Существует, однако, не только польско-русский конфликт интересов, но и иная политическая культура. Так, слово «гонор» [по-польски «честь»] в Польше обладает положительным значением, в России — отрицательным. Человек с гонором — тот, кто всегда недоволен, протестует, мешает. Это различия характера. Среди русской либеральной интеллигенции можно найти немало полонофилов, но среди простых людей господствует убежденность, что поляки высокомерны, задирают нос, неискренни и недоброжелательны к нам, что неприязнь к России закодирована у них исторически.

В 1998 г. Анджей Росевич пел Горбачеву в варшавском Замке: «Идет весна с востока», — а уже через год в польских СМИ писали, что с востока идет только самое худшее. Сегодня в каждой газете говорится, что Путин мстит за польский вклад в «оранжевую революцию», за поддержку эстонцев в их споре с Россией, за предостережения Квасневского малым странам в ООН относительно того, что Россия хочет говорить только с

крупными державами. Вопрос в том, что Польша сама хотела бы играть на первой линии, а это как раз и парализовало в свое время вышеградский треугольник”.

Из этого взгляда соседей на нас вытекает, что самый крепкий орешек — отношения с Россией. Здесь ничто не складывается в целое, господствует резкая асимметрия, еще более резкое невежество и, по правде говоря, мало доброй воли».

Я не очень-то понимаю, что имеет в виду Мастеров, говоря о «различиях характеров», — я лично не верю в существование «национальных характеров». Не верю я и в существование того, что люди на Западе называют «тайной русской души». Души и характеры — это, на мой взгляд, явление индивидуальное, а не коллективное. А в сфере коллективного следует говорить об историческом опыте и об интересах — стараться распознавать их и понимать, разъяснять себе понятия, на первый взгляд очевидные — такие хотя бы, как понятие «революции», которое в пространстве русских исторических традиций имеет, вероятно, не то же значение, что во французских традициях. Отсюда появляется надежда на работы социологов и политологов.

На страницах «Европы» (2005, №40), еженедельного приложения к газете «Факт», политолог Влодзимеж Мартиняк предпринял попытку описать и понять сегодняшнюю российскую действительность. В его статье, озаглавленной «Нестабильное государство в „мировом концерте”», в частности, говорится:

«Сразу после трагедии в Беслане президент России произнес необычайно важную речь, главный смысл которой спрятал под маской идеологических красивых фраз и бюрократического новояза. Однако люди власти услышали сигнал: нет и речи ни о какой стабилизации, а Россия находится в состоянии войны. Вначале было не слишком ясно, с кем ведется война. Решающую роль в понимании смысла новой нестабильности сыграли украинский кризис и реформа социального обеспечения. Тогда стало ясно, что главную опасность российские власти видят в обществе, а не в террористах, и даже не в тех, кто-де хочет оторвать от России самый жирный кусок или кто им помогает. Заявить, что Россия находится в состоянии войны, с точки зрения внутренней политики означало провозгласить конец путинской стабилизации, которую на Западе часто считают основой конструктивного участия России в международной политике. (...) В практическом смысле окончание стабилизации привело к разрыву всяких политических коммуникаций между властями

и общественными группами. Это в равной степени коснулось пенсионеров, заслуженных ветеранов, отставных офицеров, вузовских преподавателей, учителей и студентов. Власти России в настоящее время отказываются от всякого осмысленного разговора о существенных для страны делах, что может порождать серьезные опасения на будущее».

Описывая методы «неформализованного насилия», применяемые в экономике, и поднимая вопрос «коррупции в правовых органах», наконец, обращая внимание на «моральное разложение структур» государства, Мартиняк пишет:

«Таким образом, для заграничных партнеров России проблема состоит не в том, имеем ли мы там дело с „управляемой демократией” или авторитаризмом, а в том, что мы имеем дело с коррумпированным полицейским государством. В этом государстве реальная власть перешла в руки прокуроров по особо важным делам и начальникам главных управлений спецслужб. Они-то и принимают решения с самыми серьезными последствиями (например, дело ЮКОСа). И за избиение польских дипломатов полную ответственность несет президент России — ответственность за сведение внешней политики России на уровень уличного мордобоя».

Здесь автор переходит к описанию кризиса в польско-российских отношениях:

«Чаще всего ухудшение польско-российских отношений объясняют нашим участием в разрешении украинского кризиса и активной поддержкой, которую оказало польское общество „оранжевой революции”. Этот вопрос очень часто связывают и с охлаждением в личных отношениях Александра Квасневского и Владимира Путина, прежде считавшихся более чем хорошими. (...)

Чтобы хорошо понять характер польско-российских отношений, нужно осознать, какое место занимают отношения с посткоммунистическими государствами в российской внешней политике в целом. Проблема в том, что отношения с посткоммунистическими государствами по-прежнему оказывают существенное влияние на ход принятия решений и на институциональные и неформальные тылы этой политики. Можно сказать, что этот фактор укореняет российскую внешнюю политику в советском прошлом, хотя в значительно меньшей степени, чем отношения с постсоветскими государствами. Это происходит независимо от общей переориентации посткоммунистических государств на политическое сближение с широко понимаемым Западом и

независимо от значительного уменьшения их торгового оборота с Россией. Вытекает это из того, что политическое положение на территории бывшего советского блока рассматривается через ретроспективную парадигму „реинтеграции постсоветского лагеря” либо „противостояния экспансии Запада”. Противовесом инерционному механизму принятия решений, вытекающему из ретроспективной концепции внешней политики, до сих пор служила другая, не менее инерционная подсистема координации внешней политики — сравнительно автономная „подсистема экспорта энергоносителей”, называемая также либеральной империей. (...) Если мы отдадим себе отчет в инерционном характере подсистемы координации российской внешней политики по отношению к Польше и в явных нарушениях в функционировании польско-российской „ностальгической субкультуры” (состоящей в попытках найти партнеров среди „бывших товарищей по партии”. — Л.Ш.), то понятным станет стремление России вызвать политический кризис в отношениях с Польшей, а исторические вопросы отлично для этого годятся. Поскольку прежние инструменты проведения политики подвели, Россия может сознательно стремиться спровоцировать кризис в момент смены правительства. В таких обстоятельствах поражение на выборах традиционно пророссийского СДЛС может быть России на руку, так как смена правительства удобна, чтобы спровоцировать серьезный кризис в польской внешней политике».

Не хотелось бы преувеличивать верность этих диагнозов, однако аналитическое рассуждение выглядит и логичным, и согласующимся с фактами. Открытым остается вопрос: какие цели российской политики должны были бы таким образом осуществиться? Ответа на этот вопрос я найти не умею, но в конце концов это не главная область интересов лирического поэта. Схоже, как мне кажется, думает и описывающая свою первую поездку в Москву молодая, но уже знаменитая писательница Дорота Масловская. Вот несколько моментальных снимков из ее обширной статьи «Путешествие на Москву», опубликованной в вышецитированном номере «Политики»:

«Мы едем по ночной Москве, что-то извращенное есть в громадной неоновой кириллице всех этих „Ошанов”, „Макдональдсов” и „Билли”, какая-то шизофрения в архитектуре, византийская роскошь, позолота, рельефы-ракушки, стилистика весьма кондитерская в сравнении с бесчеловечными постсоветскими высотками в колористике грязи и дождя. Всего — больше, всё — намного больше. На

каждой улице стоит дворец культуры (аналогия с варшавским Дворцом культуры и науки. — Пер.). (...)

Гостиница «Мир» — пятисотэтажная противотанковая высотка 70 х годов маскировочной расцветки. Страшно роскошная и дорогая, но, вспоминая вызывающие отчаяние апартаменты типа „падшее величие” с жемчужно поблескивающими, но довольно условно приклеенными к стенам обоями, думаю, что высокая цена ночлега коренится прежде всего во входе в гостиницу, в необходимости поддерживать в действии фонтаны, мрамор, искусственные водопады и канделябры, а также в высоких затратах на содержание немалых размеров шлагбаума. (...)

Двадцатиполосные мостовые, по которым радостно катит все, что имеет четыре колеса и не разваливается слишком очевидно, рядом с самоубийственными «Ладами» едут футуристические «джипы» как космические корабли, и еще — в самом начале нас учили, как пользоваться пешеходными переходами, то есть по мере возможности не пользоваться, а в случае необходимости просто удирать, и в этом была глубокая мудрость. Когда мы идем на предназначенный для туристов старый Арбат, глупую улицу для коллекционеров матрешек, то вдруг удивляемся, что не слышно грохота, — как уснувший на концерте просыпается от тишины».

Масловская, хоть и проснулась от тишины, людей не слышала. Она подчеркивает:

«Это вам не Запад, где люди живут, как будто не верят, что когда-нибудь заболеют и умрут. Это непереносимая тяжесть бытия, всё здесь болезненно, серость с глубоким кровоточащим привкусом».

Эту «непереносимую тяжесть бытия» — в живых разговорах с теми, кто испытывает ее в Москве, — описывает Яцек Хуго-Бадер в репортаже «Бомжиха», помещенном в еженедельном приложении к «Газете выборчей» «Высоке общасы» («Высокие каблуки», 2005, №40). Его провожатый по миру бездомных (автор выступает соответственно переодетым) — Эмма Лысенко, некогда член сборной СССР по лыжам. Вместе с ними мы входим в мир людей деградированных, загнанных на дно дна. Слушаем их истории, наблюдаем их повседневное существование. Читаю и знаю, что Россия Масловской и Россия Хуго-Бадера — одна и та же страна. И это та же страна, где действуют описанные Мартиняком механизмы общественно-политической жизни. Мы видим фрагменты. Целое из них

никак не складывается — картина, можно сказать, находится в состоянии неустойчивого динамического разрушения.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• VI Гнезненский съезд прошел под девизом «Европа диалога». О европейском самосознании, вере и политике спорили деятели культуры, священнослужители разных вероисповеданий и дипломаты. А на гнезненской Рыночной площади раввины, имамы и христианские священники молились за Европу. Глава Папского совета по межрелигиозному диалогу архиепископ Майкл Фитцджеральд признал, что «часто мы смотрим на евреев и мусульман с опаской и это может привести к нежелательной изоляции». Директор Центра межрелигиозного понимания раввин Джек Бемпорад выразил сожаление, что «евреи постоянно чувствуют себя в Европе неуверенно, что к ним относятся как к непрошеным гостям», и призвал католическую Церковь разработать документ, который ясно определит статус евреев в европейском сообществе. «Европа нуждается в этом. У нас есть своя биография и традиции. Иудаизм должен оставаться важным голосом в оркестре человечества», — сказал раввин. В свою очередь великий муфтий Боснии и Герцеговины Мустафа Черич говорил о законодательно не урегулированном положении мусульманской общины в Европе, подчеркивая, что оно «так же ложно, как все, что направлено против мусульманского достоинства и европейского мира (...) Нельзя считать Европу исключительно христианским континентом (...) Не повторите ту ошибку, которую вы допустили по отношению к евреям, обвинив их в христоубийстве. Не вините мусульман следующие десять веков в том, что произошло в Нью-Йорке, Мадриде и Лондоне». Эта межрелигиозная дискуссия стала главной характерной чертой Гнезненского съезда. И только православный епископ Илларион призвал к заключению православно-католического союза против атеизма, релятивизма и ислама.

• Спустя пять лет после смерти Ежи Гедройца в парижском пригороде Мезон-Лаффит прошли памятные мероприятия в честь этого замечательного человека. В Польше по этому случаю решили опубликовать переписку Гедройца с Чеславом Милошем после присуждения последнему Нобелевской премии по литературе. «Я в самом деле не гожусь на роль покровителя польского национализма, а дело пахнет именно этим, — писал

Милош. — Тем, кто пишет мне письма и собирает автографы, и в голову не приходит, что кто-нибудь может не быть „поляком-католиком”. Скажи, что мне делать. Я терпеть не могу давать поводы к недоразумениям». «Присуждение Тебе Нобелевской премии несомненно было шоком, щекочущим национальную гордость и позволяющим преодолеть комплекс неполноценности, — отвечал Гедройц. — В принципе, когда люди распрямляют согнутые спины — это хорошо. Однако при этом просыпается такое опасное явление, как национальная мегаломания (...) Это и вызвало попытки воспользоваться твоим успехом и манипулировать тобой». Вскоре три тома переписки Гедройца с Милошем выйдут отдельным изданием.

• Организованный уже второй раз фестиваль «Варшава Зингера» — это нечто вроде маленькой копии летнего краковского Фестиваля еврейской культуры. Местом проведения избрана, вероятно, последняя сохранившаяся в столице настоящая еврейская улица Пружная. К сожалению, маленькая улочка с разваливающимися домами оживает только на несколько дней этого ностальгического мероприятия. Однако сохранить память об этом уникальном мире призваны сопутствующие фестивалю Дни еврейской книги. Презентации книг сопровождаются там дискуссиями, выставками и научными встречами, затрагивающими вопросы, связанные с историей и современностью еврейской культуры в Европе. В этом году одним из интереснейших событий Дней книги стала встреча с Марианом Мажинским, автором книги «Польско-еврейский сонник» и фильма «Аня». В настоящее время Мажинский живет в США. Когда-то он был постановщиком программ ТВП (например, новаторского «Турнира городов»). Кроме того, в рамках Дней состоялась дискуссия, посвященная истории полонизированных семей еврейского происхождения. Подробнее о Зингеровском фестивале и об И.Б.Зингере см. статьи на стр. ??.

• Конечно же, самый интересный путеводитель по Варшаве был издан в Кракове (в свое время краковяне выиграли и конкурс на застройку центра Варшавы). «Наша столица, — пишет в рецензии на книгу «Варшава. В поисках центра» Кшиштоф Варга, — это город некрасивый, хаотичный, холодный, неприветливый. Но есть в нем необычайная энергия, динамика, неповторимая атмосфера. Это город без особенностей, не осознающий, чем он хотел бы быть. Однако он знает, что ему надо нестись вперед, все время делать что-то новое. Такой образ складывается после прочтения этой книги (...) Образ очень правдивый и в то же время очень поверхностный». Тексты к вышедшему в краковском

издательстве «Знак» путеводителю написали Анна Саньчук, Бартек Хацинский и Яцек Сколимовский. Автор фотографий — француз Николя Гропьер.

• Жюри, возглавляемое литературоведом и литературным критиком Генриком Березой, присудило главную польскую литературную премию «Нике» Анджею Стасюку за книгу «По дороге в Бабадаг» (см. фрагмент книги, заметку об авторе и интервью с ним на стр. ??). Обосновывая решение жюри, Генрик Береза сказал: «Тотальная „путешественность” романа Анджея Стасюка вовсе не удивляет — книга укладывается в классические образцы литературы о путешествиях, в то же время радикально модернизируя ее и становясь в заключительной части чем-то другим, что следовало бы назвать метафорическим романом пути (...) Можно подумать, что у автора романа есть некий доступ к метафорическому пространству вокруг него и в нем самом, к какому-то общему, человеческому, животному и всеприродному пространству пребывания в бытии — таком, каково оно в своей изменчивой неизменности». Другие рецензенты пишут о романе «По дороге в Бабадаг» несколько проще. Кшиштоф Ильг: «Это францисканская, буддистская или хипповская книга. К простым людям, которых описывает автор, он относится по-дружески — впрочем, со взаимностью». Роман Куркевич: «Это поразительная книга. Стасюк отваживается писать так, как никто не пишет, ездить туда, куда никто не ездит, и способен увидеть столько всего там, где другие ничего не замечают». Добавим, что книга «По дороге в Бабадаг» — это описание путешествия в Словакию, Румынию и другие «задворки Европы». Сам же автор, говоря о своей книге, признается: «Отправляясь в путешествие, я часто брал с собой книги Рышарда Капустинского (...) Так что в какой-то мере эта премия — его премия». Кстати сказать, читатели «Газеты выборчей» присудили свою премию именно «Путешествиям с Геродотом» Рышарда Капустинского. Остальными кандидатами на премию «Нике» были книги: «Мы из Едвабне» Анны Биконт, «Чрезвычайно длинная линия» Ханны Краль, «Голди» Эвы Курылюк, «Выход» Тадеуша Ружевица и сборник стихов Дариуша Суски «Вся в песке».

• В октябре была вручена и другая престижная литературная премия — имени Костельских. Жюри присудило ее Яцеку Денелю за сборник стихов «Параллельные жития». Обосновывая решение жюри, его председатель Яцек Возняковский сказал: «Поэзия [Денеля] отличается высокой культурой, превосходным мастерством, а также поразительной у столь молодого человека жизненной мудростью. Полная

намеков на произведения искусства (...) она смело формирует мир, а сверх того, благодаря свободе фантазии, создает параллельные жития, миры, которые пересекаются друг с другом и взаимодополняются».

- «Уик-эндом с книгой» завершилась всепольская кампания по поддержке чтения, которая год назад получила название «Читомания». Конкурсы и встречи с писателями должны были увенчать эту акцию, но ее организаторы надеются, что навык чтения станет ежедневной потребностью молодых людей не только во время очередных кампаний.

- XXX Фестиваль польских художественных фильмов породил давно не виданную волну оптимизма в отношении польского кино. «Польское кино как будто берет разгон и вновь открывает свое призвание, — пишет Тадеуш Соболевский. — Быть может, столь живой отклик на это кино вызвал рост ожиданий, проистекающий из коллективного опыта года, когда мы пережили смерть Иоанна Павла II и горькую годовщину „Солидарности“. Прибавим к этому все более повсеместное осознание оупляющей роли СМИ. Все это порождает жажду правды в кино — такой правды, которой не даст никакой другой фильм, кроме польского». «Необходимо отметить множество положительных явлений, — дополняет этот диагноз Барбара Холлендер. — Взять хотя бы то, что (...) канул в небытие искусственно раздутый конфликт между „стариками“ и „молодежью“. В этом году и те и другие показали интересные работы, а часть фильмов молодых режиссеров родилась в школе Анджея Вайды (...) „Приличный“ уровень конкурса этого года — действительно некое обещание на будущее». «Золотых львов» — главную премию гдыньского фестиваля — получил Феликс Фальк за фильм «Судебный исполнитель». Фильм был буквально осыпан наградами (в частности, премию за сценарий получил Гжегож Лошевский, за главную мужскую роль — Анджей Хыра, за операторскую работу — Бартек Прокопович). Сам режиссер представил свое детище так: «В какой-то мере „Судебный исполнитель“ — это современный отголосок моего фильма „Затейник“, снятого в 70-е годы. Как и там, мой герой ярок, динамичен и беспощаден в своем стремлении к цели. Однако его отличает то, что он действует открыто, не скрывая своих намерений и методов. Главное же отличие заключается в том, что он преображается (...) Герой находит в себе силы, чтобы взбунтоваться и выступить против зла. Благодаря этому фильм обретает новое измерение, показывает зрителю, что существует „свет в конце тоннеля“, что есть ценности, к которым всегда можно вернуться». Специальную премию жюри получили три дебютантские новеллы выпускников

Лодзинской киношколы под общим названием «Ода к радости», рассказывающие о молодых поляках, которые по разным причинам не могут найти себе места в Польше, а Премию жюри — Кшиштоф Занусси за фильм «Персона нон грата» (снявшийся в этом фильме Никита Михалков удостоился премии за лучшую мужскую роль второго плана).

- Члены жюри прохладно отнеслись к «Мастеру» Петра Тшаскальского (чей дебютантский фильм «Эди» стал одним из главных открытий последних лет). «На фестивале мнения критиков и зрителей относительно „Мастера“ разделились, — пишет Барбара Холлендер. — Одни сочли его китчем, другие признали интересной работой (...) Мне кажется, Петр Тшаскальский — очень интересная фигура нашего кино (...) Он верен себе (...) он выступает за жизнь и любовь. Мастер [цирковой виртуоз], уверенный в величии своего искусства, проигрывает поединок с действительностью, так как не умеет по достоинству оценить истинное чувство. Однако он осознает свою ущербность (...) Немногие художники умеют так рассказать о своих мечтах». Добавим, что главную роль в этом фильме сыграл Константин Лавриненко, запомнившийся польским зрителям по фильму Андрея Звягинцева «Возвращение».

- Фильм Роберта Глинского «Крик жерлянки» тоже прошел на фестивале в Гдыне незамеченным. Между тем, как пишет критик, эта экранизация книги Гюнтера Грасса (присутствовавшего на премьере) «нарушает дипломатический протокол. Глинский, следуя оригиналу Грасса, переносит нас в 1989 год. Просто поразительно, насколько это далекое и забытое время. „Крик жерлянки“ — фантасмагория на его тему, черная комедия, построенная на его атмосфере и надеждах (...) Жерлянка все время квакает, но назойливость ее дурных предзнаменований становится потешной. В этом фильме смех сводит на нет застарелые проблемы: наследие коммунизма и „Солидарности“, польско-немецкое примирение (...) Смех в сочетании со смертью — это две стихии, против которых ничто не устоит».

- «По сравнению с прошлым годом событий было очень много, а несколько концертов могут войти в историю фестиваля, — пишет Яцек Хаврылюк, подводя итоги Международного фестиваля современной музыки «Варшавская осень». — Хотя, с другой стороны, сюрпризов не было: как и ожидалось, это была осень Хосокавы, Булеза и Геббельса (...) Мода и вкусы меняются, а фестиваль продолжает оставаться главной отечественной трибуной новой музыки (...) То, что „Осень“ переживает

„демографическую метаморфозу”, известно давно. Ее основной публикой стала молодежь: знатоки современности, авангарда и экспериментов, поклонники импровизированной музыки и джаза, любители всяческих не поддающихся классификации звуковых „окраин”, о существовании которых забывают другие фестивали и радиостанции». В этом году «Варшавская осень» сопровождалась международной конференцией «Turning Sounds», посвященной неакадемической электронике.

• Мартин Светлицкий (1961 г. рожд.). — известный поэт (автор сборников «Холодные края», «Схизма», «Песни профана»), одна из интереснейших фигур своего поколения. Однако настоящую популярность принесла ему группа «Светлики» («Светлячки»), в которой он характерным образом поет речитативом свои стихи. Недавно вышел новый альбом группы под названием «Las putas melancolicas» (что в переводе означает «меланхолические бляди», но по-испански это звучит гораздо более поэтично), причем в качестве второго солиста выступил замечательный актер Богуслав Линда. В песнях альбома «много мрачности, тревоги, пессимистических текстов, раздражающих звуков, — пишет Роберт Санковский. — „Светлики” записали самый продуманный, самый последовательный, а заодно и самый мелодичный свой альбом (...) Группа сделала ставку на немного печальную, таинственную атмосферу, красивые звуки и хороший вкус. А также на сотрудничество с Богуславом Линдой». Сам Светлицкий на вопрос, не надоело ли ему петь и писать о смерти и бренности, ответил: «В литературе, а следовательно, и в текстах песен, такие понятия, как бренность, существовали всегда. Это одна из главных тем. Есть еще столько ненаписанных песен о смерти, что не стоит умирать».

• «Я испытывал необходимость сделать что-то спокойное, чувствовал, что должен немного замедлить темп жизни и работы», — признался джазовый пианист Лешек Можджер после выхода его нового альбома «The Time». А незадолго до этого, когда успех предыдущего альбома «Piano» стал фактом и превратил его из музыканта, известного относительно узкому кругу поклонников, в осаждаемую со всех сторон звезду, Можджер с удивительной искренностью сказал: «Оказало ли это влияние на мою музыку? Скорее уж на понимание реалий шоу-бизнеса. Легче штурмовать вершину, чем на ней усидеть, и мысль об этом часто меня парализует (...) О своих поклонниках (нынешних, будущих, а возможно, и бывших), критиках и требованиях рынка я не думаю только когда играю».

• «Эгоцентричные, аморальные, устаревшие» — так называется выставка в галерее искусств «Захента», которую Агнешка Ковальская назвала попыткой ответить на вопрос, как художник использует себя сегодня в своем искусстве. В рецензии, озаглавленной «Что случилось с лицом художника?», Дорота Ярецкая пишет: «Уже начиная с 70-х годов слово «портрет» стало плохим определением художественного явления — старомодным, неактуальным, неудачным. Лицо обесценилось (...) Думаю, что свой вклад в этот процесс могли внести как размножаемые тоталитарной пропагандой портреты вождей, так и поп-арт во главе с Уорхолом, который из своего графического станка сделал что-то вроде „фабрики лиц” (...) На выставке полно замечательных работ и модных имен, портретов и автопортретов, записей и документов, где художник выступает в роли актера перформанса (Тереса Мурак, Павел Альтамер, Яцек Маркевич) или издевается над старыми величественными портретами властителей и живописцев (Зофья Кулик, Оскар Давицкий) (...) Представлены почти исключительно „новые медиа”. Это легко объяснимо: живопись выпала из дискурса и не вписывается в контекст (...) Искусство эпохи «технического воспроизведения» ухватилось за образы человеческого тела и оперирует языком реализма и натурализма».

• В катовицком «Бюро художественных выставок» открылась выставка «Итоги», посвященная творчеству недавно умершего художника Ежи Дуды-Грача. Выставку запланировал еще сам автор, а подготовила его дочь. В экспозицию вошли прежде всего работы из мастерской живописца — те, с которыми ему было труднее всего расстаться. Выставка делится на несколько циклов. «Самые интересные из них — это „Набросок бренности” и „Болен Польшей”, — пишет Данута Любина-Цюпинская. — Смерть была для Ежи Дуды-Грача одной из основных тем, над которыми он работал в последние годы. Освоением с мыслью о смерти стало главное дело его жизни — [серия картин] „Ясногорская Голгофа”, которую он подарил монастырю паулинов. „Болен Польшей” показывает его восхищение провинцией (...) Из полемиста и публициста, смотрящего на мир сквозь призму сатиры, он стал апологетом провинции, наследником Витольда Гомбровича (...) Он возвел захолустье в ранг космоса».

• Несколько варшавских культурных центров решили отметить редкий юбилей — 500 летие со дня рождения Миколая Рея, именуемого отцом польской литературы. Инициативу столицы поддержали другие, так что в этом году по всей Польше будут звучать произведения мастера Миколая. Некоторые

задумываются, «как могло случиться, что человек без высшего образования, с неукротимой любовью к крепким напиткам, достиг столь высокого положения в свете? Более того, он попал не на первые страницы желтой прессы, а в школьные учебники и энциклопедии». Остается добавить, что в последнее время тексты Рея начали использовать в своих песнях польские рэперы.

- Хотя организованный столичным магистратом по случаю открытия сезона большой парад варшавских театров вызвал множество возражений ввиду его стоимости, не было недостатка и в сторонниках. О замысле организаторов говорил Януш Петкевич, начальник городского управления театра и музыки: «Это новая форма поддержки высокого искусства. На мероприятия под открытым небом приходят зрители, которым иногда тяжело выбраться в театр. Мы надеемся, что парад позволит нам привлечь новую публику». Публика же (по крайней мере самая активная ее часть), взволнованная информацией о предстоящей открытой дискуссии с директорами театров, начала объединяться под лозунгом: «Уже скоро мы сможем излить все наши горькие жалобы уважаемой столичной дирекции (...) Приходите, терзайте, припирайте к стенке, воротите нос». Любопытно, как это отразится на театральной практике следующего сезона.

- Когда я пишу эти строки, польская предвыборная кампания еще продолжается — все ждут второго тура президентских выборов. «После долгих лет фривольной легкости и безответственности польская политика стала напыщенной, надутой, исполненной агрессии, — пишет Шимон Бжезинский, рекламируя сатирический компакт-диск «Свекольная кампания». — Трое вроцлавских авторов проявили инициативу и в одиннадцать песнях с юношеским шармом прокололи одиннадцать самых больших мыльных пузырей польской политики — начиная с Леха Валенсы и кончая Анджеем Леппером (...) Ушам и душам, постоянно обрабатываемым политическим ядом, „Свекольная кампания” приносит мгновенное облегчение». Эта антикампания имела огромный успех на интернет-форумах, а ее фрагменты звучали в эфире третьей программы Польского радио и радиостанции ТОК ФМ. Однако главные польские радиостанции не заинтересовались ею. Вероятно они знали, что делают.